

ВИКТОР МУРАВЬЁВ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

● REC

БЕЗ ДОМЫСЛОВ

ПРАВДА ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, КТО МОНТИРУЕТ ИСТОРИЮ

Виктор Муравьев

Без домислов

«Автор»

2026

Муравьёв В.

Без домыслов / В. Муравьёв — «Автор», 2026

Кирилл Ветров умеет рассказывать о преступлениях так, что зрителю кажется: правда всегда где-то рядом — достаточно правильно расставить факты, убрать домыслы и задать точный вопрос. Его тру-крайм-канал приближается к миллиону подписчиков, рядом работают люди, которым он доверяет, а каждое новое дело лишь подтверждает его репутацию внимательного и принципиального автора. Но одна случайная съёмка в городском парке превращает наблюдателя в участника истории. Теперь Кириллу предстоит применить собственные методы к делу, в котором он знает больше всех. Пока полиция восстанавливает события, зрители защищают любимого ведущего, а друзья замечают всё больше несостыковок, он начинает выстраивать версию — точную, убедительную и почти неотличимую от правды. Почти.

© Муравьёв В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Начнём через пять минут	5
Глава 2. Доктор из Хайда	12
Глава 3. Кто что заметил	22
Глава 4. Условия разговора	32
Глава 5. Пробный кадр	47
Глава 6. Лучший дубль	56
Глава 7. Ложный рисунок	72
Глава 8. Без камеры	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Виктор Муравьев

Без домыслов

Глава 1. Начнём через пять минут

Фраза «начнём через пять минут» в нашей студии не имела отношения ко времени.

Она означала, что Тимур ещё не подключил микрофоны, Лера уже злится, а я стою посреди комнаты с чашкой кофе и делаю вид, что происходящее полностью соответствует производственному плану.

— Начнём через пять минут, — уверенно сказал я.

Лера посмотрела на часы.

— Ты говорил это двадцать минут назад.

— Значит, пять минут уже где-то близко.

Она ничего не ответила. Просто перевела взгляд на мою чашку.

На чашке было написано: «Лучшему криминальному журналисту».

Я купил её себе сам.

Тимур лежал под столом. Из-под стола торчали его ноги, моток кабеля и левая рука, которая время от времени появлялась на поверхности, ощупывала край столешницы и снова исчезала.

— Ты там живой? — спросил я.

— Не отвлекай.

— Я не отвлекаю. Я проверяю технику безопасности.

— Тогда вызови человека, который её соблюдает.

В стене за моей спиной заработала дрель.

Мы замолчали.

Дрель тоже замолчала.

— Всё? — осторожно спросил Тимур.

Дрель включилась снова.

Лера закрыла глаза.

Соседнее помещение ремонтировали вторую неделю. Судя по звукам, его готовили либо под кофейню, либо под запуск межконтинентальных ракет. Рабочие появлялись ровно в тот момент, когда мы включали камеры, и исчезали, стоило нам объявить перерыв.

Я подозревал, что они следят за нашим расписанием.

Доказательств, как постоянно напоминала Лера, у меня не было.

Студией мы называли две комнаты на втором этаже старого административного здания. В первой стояли камеры, свет, стол и тёмно-серая панель, закрывавшая пятно от протечки. Во второй — компьютер Тимура, книги, коробки с техникой и холодильник, признававший только два режима: древний ледник и детскую ванну.

На двери висела табличка:

«БЕЗ ДОМЫСЛОВ»

Ниже Тимур приклеил бумажку:

«НО С ПЕРЕРЫВОМ НА ОБЕД»

Канал существовал четыре года.

Начинался он у меня дома, на кухне, с одной камеры, настольной лампы и полного непонимания того, куда следует смотреть во время записи. В первом выпуске я сорок минут рассказывал о пропавшем человеке, глядя немного левее объектива. Создавалось впечатление, что рядом со зрителем сидит кто-то ещё, гораздо более интересный.

Ролик посмотрели четыреста человек. Девятнадцать зрителей пожаловались на звук, семеро — на взгляд мимо камеры.

Закрыть канал предложил отец. Потом выяснилось, что он хотел написать «не закрывай канал», но не справился с экранной клавиатурой. Я решил поверить этой версии: она сохраняла нормальные отношения в семье.

Теперь выпуски смотрели сотни тысяч человек. Иногда больше миллиона. Нас узнавали в магазинах, приглашали на фестивали, ругали в комментариях и обвиняли в продажности независимо от наличия рекламы.

Денег канал приносил достаточно, чтобы мы могли снимать студию и платить зарплаты.

Но недостаточно, чтобы перестать обсуждать стоимость каждой лампы.

Лера держала в руках распечатанный сценарий. На полях было столько её пометок, что издали страницы казались украшенными красным орнаментом.

— Мы не можем это записывать, — сказала она.

— Почему?

— Потому что сценарий не закончен.

— Закончен.

— Здесь три пустые страницы.

— Это пространство для импровизации.

— На второй пустой странице написано: «Здесь нужно нормально объяснить».

Я отпил кофе.

Он был холодным.

По неизвестной причине это показалось мне личным предательством.

— Я собирался нормально объяснить во время записи.

— Что именно?

Я посмотрел в сценарий.

— Пока не знаю. Но нормально.

Тимур выбрался из-под стола и сел на пол. Волосы у него стояли дыбом. В руке он держал переходник, который выглядел так, будто его извлекли из разбившегося спутника.

— Один микрофон работает, — сообщил он.

— А второй?

— Второй тоже работает. Но не здесь.

— Где?

— Не знаю. Возможно, у соседей.

Дрель за стеной снова заработала.

— Вот и спросим, — предложил я. — Заодно узнаем, что они строят.

— Судя по интенсивности, метро, — сказала Лера.

Она положила сценарий на стол и подошла к стене. Несколько секунд внимательно слушала.

— Сейчас прекратят.

— Почему?

— У них обед.

Дрель замолчала.

Я посмотрел на часы.

Было ровно двенадцать.

— Мне не нравится, что ты знаешь их расписание.

— В отличие от вас двоих, эти люди работают по расписанию.

Тимур поднялся и начал поправлять кабель на моём микрофоне.

— Не двигайся.

— Я не двигаюсь.

— Ты разговариваешь всем телом.

— Это часть профессии.

— Твоя профессия — сидеть на стуле.

— Это её техническая часть.

Он затянул крепление сильнее, чем требовалось.

— Теперь вдохни.

— Зачем?

— Хочу понять, задушит ли тебя провод во время записи.

— А если да?

— Поставим предупреждение в начале выпуска.

Лера перелистнула сценарий.

— Нам нужно решить, что мы записываем.

— Мы уже решили.

— Нет. Ты прислал мне три темы.

— Я предоставил выбор.

— Ты прислал одну тему на двадцать страниц, вторую на четыре абзаца и ссылку на статью про человека, которого обвиняли в преступлении из-за говорящего попугая.

— Хорошая история.

— Попугай не давал показания в суде.

— Но мог бы.

— Нет.

— Его не спросили.

— Кирилл.

— Всё, понял. Убираем попугая.

В действительности я не собирался делать выпуск о попугае. Хотя история была хорошая.

Проблема заключалась в другом: после четырёх лет работы выбрать новое дело становилось не проще, а сложнее.

В начале существования канала мне казалось, что достаточно найти громкую историю, собрать материалы и рассказать её понятным языком. Потом выяснилось, что громкость истории почти ничего не говорит о качестве источников. Некоторые известные дела были окружены десятилетиями повторяющихся ошибок. Один журналист писал недоказанную подробность, другой ссылался на первого, третий убирал слова «возможно» и «предположительно», а через несколько лет сомнительная версия становилась общеизвестным фактом.

Зрители присылали нам десятки тем каждую неделю.

Часть писем начиналась словами: «Никто не знает об этом деле», после чего следовала ссылка на документальный сериал из восьми эпизодов.

Другая часть содержала фразу: «Полиция всё скрывает».

Обычно полиция не скрывала ничего. Просто автор письма не нашёл нужный документ.

Иногда, конечно, документы действительно не публиковали. Иногда следствие ошибалось. Иногда журналисты слишком торопились. Иногда родственники годами добивались пересмотра дела.

Но начинать работу с уверенности, что все вокруг врут, было плохой идеей.

Так можно было прийти к любому выводу.

Особенно к неправильному.

— Хорошо, — сказал я. — Давайте ещё раз.

Мы переместились во вторую комнату. Лера села за компьютер, Тимур открыл холодильник, задумчиво посмотрел внутрь и закрыл его.

— Там вчерашняя лапша, — напомнил я.

— Она замёрзла.

— Разогрей.

— Я боюсь нарушить её экосистему.

На экране Лера открыла таблицу с возможными темами. У неё существовали таблицы для всего: выпусков, источников, рекламных интеграций, расходов, комментариев, спорных формулировок и случаев, когда я обещал закончить сценарий к определённой дате.

Последнюю таблицу я считал проявлением нездоровой фиксации.

— Первый вариант, — сказала она. — Исчезновение семьи в США. Много материалов, но часть полицейских документов закрыта. Без них мы будем повторять чужие версии.

— Откладываем, — сказал я.

Она поставила жёлтую отметку.

— Второй вариант. Серийные отравления во Франции в девятнадцатом веке.

— Хорошая тема.

— Слишком много контекста для одного выпуска. Придётся либо делать цикл, либо сильно упрощать.

— Цикл сейчас не потянем, — сказал Тимур. — У нас ещё прошлый цикл не закончен.

— Он закончен, — возразил я.

— У зрителей другое мнение.

— Зрители хотят продолжения любого цикла. Даже если все участники дела умерли сто лет назад и суд вынес окончательный приговор.

— В комментариях предлагают снять отдельный выпуск про адвоката.

— А потом про помощника адвоката. Затем про человека, который продавал адвокату газеты.

Лера поставила рядом со второй темой жёлтую отметку.

— Третий вариант — Гарольд Шипман.

Я прислонился к столу.

На экране появилась фотография мужчины в очках. Обычное лицо. Спокойный взгляд. Никакой театральной выразительности, которой постеры документальных фильмов часто пытались наделить преступников.

Под фотографией находился список документов, книг, архивных публикаций и отчётов.

— Материалов много, — продолжила Лера. — Судебная часть, официальное расследование, медицинская система, свидетельства родственников. Можно чётко разделить доказанные эпизоды и последующие выводы комиссии.

— И не нужно пересказывать слухи, — добавил я.

— Именно. Но тема большая.

— Насколько большая?

Она несколько раз прокрутила таблицу вниз.

— Вот настолько.

Тимур заглянул через её плечо.

— Это список источников или население небольшого города?

— Только основные материалы.

— А неосновные?

— Кирилл скачал их отдельно.

Тимур посмотрел на меня.

— У тебя опять забит сервер?

— Не забит. Заполнен полезными данными.

Лера увеличила фотографию Шипмана.

— Вопрос не в том, достаточно ли здесь материала. Вопрос в том, какую историю мы рассказываем. Можно сделать выпуск о самом преступнике. Можно — о том, почему ему так

долго доверяли. Можно — о провалах системы регистрации смертей. Можно — о расследовании.

— Если попытаться сделать всё сразу, — сказал я, — получится энциклопедия с моим лицом в углу.

— Твоё лицо можно убрать, — предложил Тимур.

— Спасибо за поддержку.

Он кивнул.

— Всегда пожалуйста.

Я открыл одну из папок. В ней лежали заметки, хронология, отдельный список спорных утверждений и таблица с цифрами, которые нельзя было смешивать между собой.

Пятнадцать убийств, доказанных в суде.

Отдельные выводы официального расследования.

Предполагаемое общее число жертв.

Разные стандарты доказательств. Разные формулировки. Именно на таких различиях обычно и ломались популярные пересказы.

Чем крупнее становилась цифра, тем охотнее её выносили в заголовок.

Моя работа заключалась не в том, чтобы выбрать самую крупную.

Моя работа заключалась в том, чтобы объяснить, откуда каждая взялась.

— Делаем через доверие, — сказал я.

Лера повернулась ко мне.

— К врачу?

— К человеку, которого привыкли считать безопасным. Не в смысле дешёвого вопроса: «Как никто не заметил?» После события все становятся очень наблюдательными. Нужно показать, что люди видели тогда. Как работала система. Какие объяснения казались нормальными. Кто первым заметил закономерность. Почему этого оказалось недостаточно.

— Уже лучше.

— Спасибо. Запиши дату. Лера признала мою идею пригодной.

— Я сказала «лучше», а не «пригодной».

— Не портить исторический момент.

Она начала печатать.

Тимур снова открыл холодильник.

— А юмор там будет?

— В деле?

— В выпуске.

— В студийной части. В наших спорах. В том, как Кирилл произносит британские названия, — сказала Лера.

— Я нормально их произношу.

Они оба посмотрели на меня.

— В большинстве случаев.

Лера закрыла таблицу.

— Тогда план такой. Сегодня утверждаем структуру. Завтра ты дописываешь первую часть.

— Завтра?

— Завтра.

— Полностью?

— Полностью.

— До вечера?

— До десяти утра.

— В десять утра ещё не наступает завтра. Это продолжение сегодняшней ночи.

— В девять пятьдесят девять я пришлю тебе сообщение.

— Это давление.

— Это управление проектом.

— Между ними тонкая грань.

— Ты узнаешь её, когда сдашь текст вовремя.

Из основной комнаты донёсся короткий сигнал.

Тимур замер.

— Что это?

Мы прислушались.

Сигнал повторился.

— Камера, — сказал он и побежал к двери.

— Что с ней?

— Она всё это время записывала.

Мы переглянулись.

Через минуту Тимур вернулся с камерой в руках.

— Записала сорок семь минут. Там в основном стена, твой голос и разговор о замёрзшей лапше.

— Значит, документально и человечно.

Лера забрала у него карту памяти.

— Удалить.

— Подожди, — сказал я. — Это можно выложить для подписчиков.

— Нет.

— Почему? Людям нравится закулисы.

— В первые семь минут ты шесть раз обещаешь начать через пять минут.

— Это честный взгляд на профессию.

Она спрятала карту памяти в карман.

— Сначала нормальный выпуск. Потом закулисы.

— Диктатура редактора.

— Договорные отношения.

На этот раз дрель не включалась.

За стеной было тихо. С улицы доносился гул машин, где-то в коридоре хлопнула дверь, а старый холодильник начал вибрировать так, будто пытался самостоятельно покинуть помещение.

Я вернулся в студию и сел за стол.

Передо мной стояла камера. За ней — пустой стул Тимура, световая стойка и Лера с раскрытым ноутбуком.

Обычно в этот момент всё становилось проще.

До записи можно было спорить, менять тему, переставлять свет, искать переходник и доказывать, что холодный кофе всё ещё считается кофе. Но когда загорался красный индикатор, оставалась только история.

Правда, сначала её следовало написать.

Я открыл новый документ.

В верхней части страницы набрал:

Гарольд Шипман. Рабочий план.

Подумал и добавил вторую строку:

Не начинать с количества жертв. Начать с доверия.

— Всё-таки врач? — спросил Тимур.

— Врач.

— Очень страшный?

Я посмотрел на фотографию на экране.

— Нет, — ответил я. — В этом и проблема. Очень хороший врач, если верить всем, кто слишком долго ему верил.

Лера подняла голову.

— Это оставь.

— В сценарии?

— В сценарии.

Я сохранил документ.

За стеной включилась дрель.

— Ну что, — сказал Тимур. — Начинаем?

Я посмотрел на часы.

— Через пять минут.

Глава 2. Доктор из Хайда

В девять сорок восемь утра я отправил Лере сценарий.

Файл назывался:

SHIPMAN_FINAL_3.docx

Слово «финал» в названии было некоторым преувеличением. Цифра три — откровенной ложью. До этой версии существовало не меньше семи, просто первые четыре я удалил, чтобы не подрывать собственный авторитет.

Через минуту телефон завибрировал.

Лера:

На пятой странице написано: «Здесь нужно разобраться».

Я открыл документ.

На пятой странице действительно было написано:

«Здесь нужно разобраться, как именно работала регистрация смерти».

Ниже я предусмотрительно добавил:

«Не упрощать».

Я ответил:

Главное, что направление обозначено.

Лера напечатала что-то длинное, стёрла и ограничилась одним вопросом:

Ты уже вышел?

Я посмотрел на себя.

Я сидел на кухне в домашних брюках, старой футболке и одном носке. Второй лежал возле холодильника. Как он туда попал, я не знал, но расследование не представлялось приоритетным.

Почти, — написал я.

Ответа не последовало.

Это было хуже, чем ответ.

На кухне пахло кофе и чем-то подгоревшим. Подгоревшим оказался тоже кофе. Кофеварка продолжала работать, хотя всё полезное уже сделала, и теперь с деловитым видом производила пар.

Я выключил её и вернулся к сценарию.

Первая строка гласила:

«Гарольд Шипман считается одним из самых известных серийных убийц в истории Великобритании».

Она звучала так, будто была написана не для фильма, а для карточки в энциклопедии.

Я удалил её.

Попробовал снова:

«В январе 2000 года британского врача Гарольда Шипмана признали виновным в убийстве пятнадцати пациенток».

Факт был важным, но начинать с приговора не хотелось: готовый ответ неизбежно превращал всё предыдущее в объяснение того, как окружающие не заметили очевидного.

Он был врачом.

Я написал:

«В течение многих лет жители английского города Хайд приходили к Гарольду Шипману за медицинской помощью».

Фраза была простой. Почти слишком простой.

Но впервые за утро она не пыталась выглядеть умнее истории.

Я оставил её.

К десяти часам документ вырос на два абзаца, а моя готовность выйти из дома — до второго носка.

В дверь позвонили.

На площадке стоял курьер с бумажным пакетом.

— Кирилл Ветров?

— Зависит от содержимого.

Курьер посмотрел на наклейку.

— Сырники.

— Тогда да.

Я заказал их ночью, когда решил, что утром обязательно встану пораньше, спокойно позавтракаю и перечитаю сценарий. Ночной я отличался оптимизмом и плохо представлял возможности утреннего.

В пакете лежала записка от кафе:

«Хорошего дня!»

Я оценил смелость этого предположения.

Телефон снова завибрировал.

Лера:

Я вижу, что ты редактируешь файл.

Работаю, — ответил я.

Ты не в студии.

Удалённая работа тоже работа.

Приезжай.

Я закрыл ноутбук, положил его в сумку и вышел, оставив сырники на кухонном столе.

В лифте я вспомнил о них.

Возвращаться не стал.

Некоторые решения формируют характер.

Другие просто помогают не опоздать ещё сильнее.

Когда я вошёл в студию, Лера разговаривала по телефону.

Она сидела у окна и смотрела, как грузовая машина медленно разворачивается между припаркованными автомобилями.

На столе перед Лерой лежали распечатки. Не обычная пачка листов, а несколько отдельных стопок с цветными закладками.

Она подняла руку вместо приветствия и продолжила:

— Нет, мы не используем реконструкцию самого преступления. Только фотографии мест и документы, права на которые можно подтвердить... Да, понимаю. Пришлите условия письмом.

Тимур сидел на полу возле камеры и протирал объектив.

Обычно эту работу он выполнял молча. Сегодня рядом с ним стояла маленькая колонка, из которой негромко звучал джаз.

— Что случилось? — спросил я, снимая куртку.

— С чем?

— Музыка. Чистый объектив. Ты выглядишь спокойным.

— Решил изменить жизнь.

— Надолго?

— До обеда.

Я поставил сумку на стол.

Тимур посмотрел на неё, потом на меня.

— Еда есть?

— Была.

— Ты съел?

— Забыл дома.

Он кивнул, словно получил окончательное подтверждение давно существовавшей теории.

Лера завершила разговор и положила телефон экраном вниз.

— Доброе утро.

— Уже можно говорить «добрый день».

— Не тебе.

Она не выглядела раздражённой. Скорее уставшей заранее — как человек, который ещё не столкнулся с проблемой, но знает её рабочий номер.

Я сел напротив.

— Насчёт пятой страницы...

— Я уже нашла материалы.

Она передала мне тонкую папку.

Внутри лежали выдержки из отчётов, заметки и таблица с пометками. Лера разделила материалы на три группы: факты, которые можно уверенно использовать; формулировки, требующие пояснения; утверждения, встречавшиеся в прессе, но не подтверждённые первичными источниками.

Последняя группа была самой большой.

— Ты когда успела?

— Пока ты искал второй носок.

Я поднял голову.

— Откуда ты знаешь про носок?

— Я не знала.

— Понятно.

Она несколько секунд смотрела на меня.

— Мне не нужны подробности.

— Это справедливо.

Лера открыла сценарий на ноутбуке.

— Начало стало лучше.

Для неё это было щедрым комплиментом.

— Оставляем Хайд и врача?

— Оставляем. Но дальше ты слишком быстро переходишь к масштабу.

На экране был абзац:

«Только в 2000 году общественность узнала, что за образом уважаемого доктора скрывался человек, убивавший собственных пациентов».

— Что именно тебе не нравится? — спросил я.

— Почти всё.

— Тогда начнём с существительных.

Она повернула ноутбук ко мне.

— «Образ уважаемого доктора». Это удобная формулировка, но она делает репутацию Шипмана чем-то вроде маски, которую он сознательно носил перед всем городом. Мы пока этого не доказывали.

— Его действительно многие уважали.

— Многие — не все. И нам нужно показать, откуда мы это знаем.

Я перечитал предложение.

Вчера оно казалось ёмким. Сейчас — слишком гладким. В нём уже присутствовала готовая драматургия: образ, тайна, разоблачение. Зрителю оставалось только согласиться.

— Хорошо, — сказал я. — Убираем маску.

— И слово «общественность». Оно ничего не означает.

— Британцы?

— Все британцы одновременно?

— Журналисты?

— Конкретнее.

— После суда дело получило широкую огласку.

— Вот это можно проверить.

Я изменил текст.

Работа над сценарием редко напоминала сочинительство. Чаще — ремонт старой проводки. Убираешь красивую панель и обнаруживаешь за ней три соединения, изоленту и вопрос, почему здание до сих пор не сгорело.

Я открыл следующую страницу.

— С числами у нас всё аккуратно.

— Не совсем.

— Пятнадцать убийств, по которым его осудили. Отдельно — выводы последующего публичного расследования.

— В тексте отдельно. На экране они пока стоят рядом.

Лера показала черновик инфографики:

15 ДОКАЗАННЫХ УБИЙСТВ

НЕ МЕНЕЕ 215 ЖЕРТВ

— Слово «доказанных» создаёт новую проблему, — сказала она. — Зритель может решить, что остальные не были доказаны вообще. Но публичное расследование тоже изучало материалы и формулировало выводы. Просто это не были обвинительные приговоры по каждому эпизоду.

В январе 2000 года Шипмана признали виновным в пятнадцати убийствах. Позднее публичное расследование пришло к выводу, что он убил как минимум двести пятнадцать пациентов за двадцать четыре года. Эти цифры нельзя было смешивать: одна относилась к конкретному уголовному процессу, другая — к более широкому изучению смертей, проведённому комиссией.

— Значит, не сравниваем цифры в одной заставке, — сказал я.

— Или сравниваем, но объясняем различие прямо там.

— Заголовок получится длиннее самого выпуска.

Лера взяла карандаш и набросала на бумаге две отдельные карточки.

На первой:

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: 15 УБИЙСТВ

На второй:

ВЫВОД ПУБЛИЧНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: НЕ МЕНЕЕ 215 ПАЦИЕНТОВ

— Вот так, — сказала она. — Они появляются в разные моменты.

— Хорошо.

Она посмотрела на меня с лёгким подозрением.

— Ты согласился сразу.

— Я развиваюсь.

— Или не завтракал.

— Одно другому не мешает.

Тимур выключил музыку и подошёл к столу.

— Покажите.

Лера развернула лист.

Он прочитал обе карточки.

— Во второй слишком много слов. На телефоне никто не увидит.

— Сократим шрифт, — предложил я.

— Тогда никто не увидит ещё увереннее.

Тимур взял чистый лист и начал рисовать схему размещения текста. Он не спорил о формулировках, зато сразу понимал, как они будут выглядеть на экране. Через минуту у него появились две последовательные заставки, связанные одной графической линией.

— Сначала суд, — сказал он. — Позже, когда Кирилл объяснит работу комиссии, выводим второе число. Без столкновения лбами.

— Подходит, — сказала Лера.

Тимур положил карандаш.

— Моя работа окончена.

— Ты ещё не настроил свет, — напомнил я.

— Значит, окончена интеллектуальная часть.

Он вернулся к камере.

Лера перелистнула сценарий.

— Теперь главный вопрос: о чём первая часть?

— О Шипмане.

— Это не тема. Это фамилия.

Я посмотрел на доску.

Вчера мы записали четыре слова:

ДОВЕРИЕ

ИНФОРМАЦИЯ

ПРОВЕРКА

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Под ними Тимур добавил слово ОБЕД. Оно осталось на месте.

— Первая часть о том, почему мы не можем начинать с вопроса: «Как ему столько лет удавалось всех обманывать?»

— Почему не можем?

— Потому что вопрос уже содержит ответ. Будто Шипман двадцать лет разыгрывал перед окружающими спектакль, а они должны были распознать его по плохой актёрской игре.

Лера отложила карандаш.

— Продолжай.

— Пациент приходит к врачу не для того, чтобы проверить его на возможную преступную деятельность. Коллега видит коллегу, а не будущего фигуранта расследования. Сотрудник похоронной службы замечает только ту часть, которая проходит через него. У каждого свой фрагмент.

— Пока верно.

— Поэтому первая часть — не про доверчивость жителей Хайда. Она про раздробленность информации.

— Тогда доверие оставляем контекстом, а не объяснением.

— Да.

Я подошёл к доске и обвёл второе слово.

— Сюда ведём.

Лера кивнула.

Некоторое время мы молчали.

Тимур включил одну из ламп.

Лицо Леры сразу стало наполовину ярким, наполовину тёмным.

— Очень символично, — сказал я.

— Не привыкай, — ответил он. — Я проверяю лампу.

Свет погас.

Первый дубль мы записали после полудня.

Я сидел за столом. Передо мной лежали несколько листов, хотя текст выводился на экран возле камеры. Листы были нужны в основном для рук. Без них я начинал жестикулировать так, словно пытался посадить самолёт.

Тимур проверил звук и поднял большой палец.

Лера устроилась сбоку от камеры. Она не держала сценарий перед собой — знала его почти наизусть.

Загорелся красный индикатор.

— В течение многих лет жители английского города Хайд приходили к Гарольду Шипману за медицинской помощью. Он принимал пациентов, выписывал лекарства, посещал людей на дому и выполнял работу, которую ежедневно выполняют тысячи семейных врачей.

Я сделал небольшую паузу.

— Теперь мы знаем, чем закончилась эта история. Знаем о суде. Знаем о пятнадцати убийствах, по которым был вынесен обвинительный приговор. Знаем, что последующее публичное расследование изучило значительно больше смертей и пришло к выводу о как минимум двухстах пятнадцати жертвах.

На экране должна была появиться первая карточка.

Не появилась.

Тимур нахмурился, но запись не остановил.

— Из-за этого знания прошлое кажется проще, чем было на самом деле, — продолжил я. — Мы смотрим на него с готовым ответом и невольно превращаем любую подробность в предупреждение. Обычную фотографию — в портрет преступника. Сдержанность — в холодность. Уверенность — в высокомерие. Даже нейтральный взгляд начинает казаться подозрительным, если под фотографией уже стоит фамилия осуждённого убийцы.

Лера едва заметно подняла руку.

Я остановился.

— Что?

— Последнее предложение.

— Про фотографию?

— Оно хорошее, но мы рискуем сами сделать то, что критикуем. В заставке у нас сейчас его портрет.

Я посмотрел на монитор.

На экране застыло лицо Шипмана.

Фотография действительно работала против текста. Мы говорили зрителю не искать зло во внешности человека и одновременно показывали крупным планом фотографию, подобранную так, чтобы она выглядела тревожно.

— Что поставим вместо неё? — спросил Тимур.

— Хайд, — ответила Лера. — Улица, медицинская практика, документы. Фотографию позже.

— Тогда нужно менять раскадровку.

— Меняем.

Тимур ничего не сказал. Только выключил камеру и перенёс стул к компьютеру.

Это было одной из причин, по которым мы продолжали работать вместе. Он мог двадцать минут жаловаться на сломанный переходник, но никогда не спорил с правкой, если понимал её смысл.

На экране открылась папка с визуальными материалами.

Фотографий Хайда было много, но большая часть выглядела слишком современной. На одной рядом с нужным зданием стоял автомобиль, выпущенный значительно позже описыва-

емых событий. На другой фасад был перестроен. На третьей поверх исторической фотографии кто-то разместил огромный водяной знак.

— Вот эта? — спросил Тимур.

— Слишком поздняя, — сказала Лера.

— Эта?

— Мы не знаем точную дату.

— Здесь дата указана.

— Это дата загрузки.

Тимур откинулся на спинку стула.

— Интернет был создан, чтобы человек мог получить доступ ко всем знаниям мира. В результате у нас сорок фотографий одного здания, и ни про одну нельзя уверенно сказать, когда она снята.

— Зато у людей есть видео с котом, который боится огурца, — сказал я.

— Это важная часть архива человечества.

Лера листала изображения.

— Возьмём общий план города из лицензированного архива. Без попытки выдать его за конкретный год. На экране укажем, что это современный вид.

— Это разрушит атмосферу, — сказал я.

— Зато не разрушит правду.

— Убедительно.

Пока Тимур перестраивал последовательность, я вышел в коридор.

Олег Петрович сидел за стойкой охраны и решал кроссворд.

— Слово из семи букв, — сказал он, увидев меня. — «Человек, проверяющий тексты перед публикацией».

— Редактор.

Он посчитал клетки.

— Восемь.

— Цензор?

— Шесть.

— Начальник?

— Восемь.

Олег Петрович задумался.

— Значит, ошибка в газете.

— Запишите «Лера». Четыре буквы, но смысл подходит.

Он усмехнулся и вписал что-то в клеточки.

— Про кого сегодня снимаете?

— Про британского врача.

— Опять старое дело?

— Старое.

— А зачем рассказывать то, что уже произошло?

Вопрос прозвучал без насмешки.

Я прислонился к стойке.

— Чтобы понять, почему произошло.

— Поняли?

— Пока на шестой странице.

Олег Петрович кивнул, будто это был вполне нормальный этап понимания.

— Тогда не мешаю.

Когда я вернулся, на экране уже стояла новая последовательность: дождливая улица, вывеска медицинского учреждения, фрагменты документов, карта города. Фотография Шипмана появлялась лишь после того, как зритель узнавал его имя.

Это было небольшое изменение.

Но теперь изображение не спорило с текстом.

Второй дубль прошёл почти без остановок.

— Рассуждать о доверии в этом деле легко, — говорил я. — Гораздо сложнее определить, где именно должен был сработать контроль.

Я перевёл взгляд на следующий абзац.

— Врачебный статус не является доказательством безупречности. Но он также не может автоматически быть основанием для подозрения. Поэтому рядом с профессиональным доверием существуют процедуры: ведение медицинских записей, регистрация смерти, работа коронаров, проверка назначения лекарств и возможность передавать тревожные наблюдения тем, кто способен увидеть более широкую картину.

Позднее отдельный отчёт публичного расследования был посвящён регистрации смертей и работе коронарской системы. Комиссия изучала не абстрактное «невнимание окружающих», а конкретные механизмы, которые должны были выявлять подозрительные случаи.

— В истории Шипмана часть этих механизмов оказалась недостаточной. Другие не были рассчитаны на ситуацию, в которой источником опасности становился сам врач. А информация, способная вызвать вопросы, долго оставалась разделённой между разными людьми и учреждениями.

Я перевернул лист.

— Поэтому вопрос «Почему никто не заметил?» поставлен неправильно.

За камерой Лера слегка наклонила голову. Это означало, что продолжение должно быть точным.

— Замечали. Но разные люди замечали разные вещи, в разное время и не всегда понимали их значение. История начала меняться только тогда, когда отдельные наблюдения стали складываться вместе.

Я замолчал.

Красный индикатор продолжал гореть.

— Всё, — сказал я.

Тимур не отреагировал.

— Тимур?

Он вздрогнул и нажал кнопку.

— Хорошо было. Я забыл остановить.

— Это лучше, чем забыть включить.

— Такое тоже было хорошо. Ты ни разу не ошибся.

Лера подошла к столу и посмотрела последнюю страницу.

— Нужно будет немного сократить середину.

— Насколько?

— Секунд на сорок.

— Там каждое слово необходимо.

— Ты сказал «информация оставалась разделённой» четырьмя способами.

— Я закреплял мысль.

— Она закрепилась после второго.

Я перечитал абзац.

Лера была права. Одну и ту же идею я повторил сначала как тезис, потом как пояснение, затем как метафору и напоследок ещё раз — на случай, если зритель одновременно готовил ужин.

Я зачеркнул два предложения.

— Тридцать секунд.

— Ещё десять.

— Снимем более быстрый общий план.

— Кирилл.

Я убрал ещё одну строку.

— Теперь сорок.

Она закрыла сценарий.

— Теперь хорошо.

В этих двух словах не было торжества. Лера не воспринимала текст как состязание, в котором один из нас должен победить. Ей было важно только то, что останется в готовом выпуске.

Возможно, поэтому я и доверял ей больше, чем иногда показывал.

К шести часам мы закончили.

Тимур копировал запись на два диска. После случая, когда из-за неисправности накопителя мы потеряли почти целый съёмочный день, он относился к резервным копиям с религиозной серьёзностью.

Лера собирала распечатки.

Я проверил телефон.

Три пропущенных сообщения от Ани.

Первое:

Напоминаю про ужин.

Второе:

Мама спрашивает, будешь ли ты.

Третье:

Ответ «буду» больше не считается подтверждением.

Я посмотрел на время.

— Мне нужно ехать.

— Ужин? — спросила Лера.

— Семейный.

— Ты успеваешь.

— Разве это не тот момент, когда вы должны дружно усомниться?

Тимур не оторвался от экрана.

— Машина уже вызвана.

— Какая машина?

— Твоя.

— Откуда у тебя мой адрес?

Он посмотрел на меня.

— Я бывал у тебя дома.

— Верно.

— Много раз.

— Да, теперь вспоминаю.

Лера протянула мне папку.

— Не бери её с собой.

— Я не собирался.

— Собирался.

Я действительно собирался.

— Завтра продолжим с людьми, которые первыми увидели повторяющуюся закономерность, — сказала она. — Но до утра ничего не дописывай.

— Почему?
— Потому что вечером ты начнёшь украшать текст.
— Я не украшаю.
— В прошлый раз ты назвал архивную таблицу «немым свидетелем».
— Это была метафора.
— Это была таблица.

Я оставил папку на столе.

В дверь постучал Олег Петрович.

— Машина приехала.

Я надел куртку и уже в коридоре услышал голос Тимура:

— Сырники заberi завтра.

Я остановился.

— Откуда ты знаешь про сырники?

Он показал телефон.

На экране была фотография, отправленная Аней в общий чат. На ней стоял пакет из кафе, а рядом лежала записка:

«Хорошего дня!»

Под фотографией сестра написала:

Если автор криминального канала исчезнет, начинайте расследование с его памяти.

Лера поставила смеющийся смайлик.

Тимур — изображение сырника.

Я убрал телефон в карман и пошёл к выходу.

На улице закончился дождь. В лужах отражались окна, вывески и красные огни машин. Обычный вечер выглядел непривычно ясным после нескольких часов под студийными лампами.

Я сел в такси.

На передней панели висел ароматизатор в форме ёлки.

Пахло им действительно слишком сильно.

Но рейтинг у водителя был хороший, поэтому я решил никому не рассказывать.

Глава 3. Кто что заметил

На следующее утро я приехал первым.

Не вовремя — первым.

Это разные достижения.

В студии никого не было. Олег Петрович ещё не успел закончить чай, соседнее помещение молчало, а холодильник выглядел так, будто провёл ночь в размышлениях и не пришёл ни к чему хорошему.

Я включил свет только над рабочим столом. Под студийными лампами пустая комната казалась декорацией, которую забыли наполнить людьми. Серый фон, два стула, камера, провода. Всё на месте, но ничего ещё не происходит.

На столе лежала папка, которую Лера вчера запретила мне забирать домой.

Я открыл её.

Запрет формально не нарушался.

На первой странице стояло имя Деборы Бамброфф. В материалах расследования уточнялось, что раньше её фамилия была Мэсси. Она работала в семейной похоронной компании и одной из первых обратила внимание не на отдельную смерть, а на повторяющиеся обстоятельства.

Рядом я положил карточку с именем Линды Рейнольдс.

Затем — Джона Полларда.

Дэвида Смита.

Кэтлин Гранди.

Анджелы Вудрафф.

Вчера эти люди находились в разных папках. Сегодня должны были оказаться в одной истории.

Я провёл линию от Деборы Бамброфф к Линде Рейнольдс.

Потом остановился.

Линия выглядела слишком уверенно.

Будто одна женщина пришла к другой, сообщила готовую разгадку, и дальше оставалось только передать её полиции. В действительности у Бамброфф не было разгадки. Были похороны, которые начали казаться похожими друг на друга. Были умершие пациентки одного врача. Были обстоятельства, не совпадавшие с привычной картиной смерти дома.

Она заметила повторение.

Это ещё не означало, что она знала его причину.

Я стёр линию и вместо неё написал:

НАБЛЮДЕНИЕ

Под карточкой Рейнольдс:

СРАВНЕНИЕ

Под карточкой коронера:

ПЕРЕДАЧА

Под именем полицейского:

ПРОВЕРКА

Последнее слово я обвёл и некоторое время смотрел на него.

Дверь открылась.

Лера вошла с двумя стаканами кофе. Увидев меня, она остановилась.

— Ты ночевал здесь?

— Нет.

— Тогда почему ты уже здесь?

— Решил начать новую жизнь.

Она протянула мне стакан.

— Тимур тоже так решил.

— И как?

— Написал, что будет через час.

— Значит, перемены даются ему тяжело.

Лера сняла пальто и подошла к столу.

— Что это?

— История без готового ответа.

Она прочитала карточки.

— А слово «проверка» почему обведено?

— Потому что на этом месте всё сломалось.

— Не всё.

— Главное.

Она переставила карточку Дэвида Смита немного в сторону.

— Не делай из одного человека объяснение всей системы.

— Я не делаю.

— Пока делаешь. У тебя четыре нормальных слова и одно виноватое.

Я посмотрел на доску.

Она была права.

На карточках Бамброфф, Рейнольдс и Полларда находились действия. На карточке полицейского — приговор.

Я стёр круг.

— Лучше?

— Честнее.

Лера отпила кофе и села за ноутбук.

— Начнём с похоронной компании?

— Да.

— Не с цифр?

— Цифры появятся после того, как станет понятно, откуда они взялись.

— Хорошо.

— Это всё?

— Что?

— Ты не будешь спорить?

— Ты хочешь?

— Нет. Просто готовился.

Она открыла сценарий.

— Можешь использовать освободившееся время для работы.

Я сел напротив.

На шестой странице оставалось вчерашнее предложение:

«История начала меняться, когда отдельные наблюдения стали складываться вместе».

Теперь оно казалось неточным.

История не начала меняться.

Сначала наблюдения действительно встретились. Но этого оказалось недостаточно.

Я заменил фразу:

«В марте 1998 года отдельные наблюдения впервые дошли до людей, способных начать проверку».

— Так точнее, — сказала Лера.

— И заметно менее обнадеживающе.

— Мы не обязаны обнадёживать.

Она прокрутила документ вниз.

— Рассказываем про Дебору осторожно. Никакой «женской интуиции», никакого «она почувствовала неладное».

— Я и не собирался.

— В прошлой версии было написано: «Её не покидало ощущение».

— Это была предварительная версия.

— Она всё ещё существует в облаке.

— Облако многое прощает.

— Интернет ничего не прощает.

Я удалил старый абзац.

Бамброфф не просто испытывала необъяснимое беспокойство. Её насторожили конкретные повторяющиеся особенности. Среди умерших пациентов Шипмана часто оказывались пожилые женщины, найденные дома в дневной одежде, хотя перед этим они не выглядели тяжело больными. Шипман нередко сам обнаруживал смерть или находился рядом с её моментом. Для работника похоронной службы такая последовательность смертей отличалась от привычной картины.

Своими опасениями Бамброфф поделилась с доктором Линдой Рейнольдс.

— Вот, — сказала Лера. — Теперь это не предчувствие. Это профессиональное наблюдение.

— Хотя у неё не было медицинской подготовки.

— Зато у неё был опыт.

— Именно это я и хочу показать.

Я добавил в сценарий:

«Иногда закономерность первым замечает не тот, у кого больше полномочий, а тот, перед кем чаще проходят её последствия».

Лера прочитала.

— Оставляем.

Я не стал уточнять, что это уже второй случай за два дня, когда она принимает предложение без исправлений.

Некоторые успехи лучше не обсуждать вслух.

Тимур приехал через сорок минут с новой клавиатурой и пакетом мандаринов. Старая перестала печатать букву «р», что для криминального канала оказалось серьёзным ограничением. Новую он ещё не проверял; через минуту из соседней комнаты выяснилось, что у неё другой разъём.

Лера посмотрела на меня.

— Ничего не говори.

— Я и не собирался.

— По лицу видно.

Я открыл сценарий.

— Дальше Рейнольдс.

У врача Линды Рейнольдс было то, чего не было у сотрудницы похоронной компании: возможность сравнить происходящее с собственной медицинской практикой.

За три месяца Шипман, работавший один, направил врачам из Brooke Practice шестнадцать форм, связанных с последующей кремацией его пациентов. За тот же период в самой Brooke Practice, обслуживавшей около девяти с половиной тысяч человек, умерли четырнадцать пациентов. Список пациентов Шипмана был приблизительно втрое меньше, а шестнадцать известных случаев не охватывали всех смертей в его практике. Именно масштаб расхождения, а не отдельная подозрительная смерть, обеспокоил Рейнольдс и её коллег.

Я перепроверил числа: шестнадцать форм, четырнадцать смертей в значительно более крупной практике, список пациентов приблизительно втрое меньше. Каждое число по отдельности выглядело нейтрально. Вместе они меняли картину.

— Нужно коротко объяснить, почему документы Шипмана видели врачи другой практики.

— Одним предложением, — сказала Лера.

Мы сошлись на двух коротких. Иногда победа состояла из точки посередине абзаца.

Записывать начали ближе к полудню.

На этот раз Тимур поставил рядом с камерой небольшой монитор, где должны были последовательно появляться имена. Без портретов, без тревожной музыки и без красных линий между фотографиями.

Просто человек.

Должность.

Дата.

— Готовы? — спросил он.

Я посмотрел на Леру.

Она кивнула.

Загорелся индикатор.

— Первые серьёзные подозрения возникли не в полицейском управлении и не в медицинской комиссии. Их высказала сотрудница похоронной компании Дебора Бамброфф.

На мониторе появилось имя.

— Она не знала, что совершаются убийства. У неё не было общей статистики и доступа к историям болезни. Она видела только похороны. Но некоторые из них начали повторять один и тот же необычный рисунок.

Я рассказал о пожилых женщинах, которых находили дома, о дневной одежде, об отсутствии тяжёлой болезни и о частом присутствии одного врача. Не как о доказательствах преступления. Как о признаках, которые в совокупности потребовали объяснения.

— Бамброфф обратилась к доктору Линде Рейнольдс. Та сравнила число смертей, связанных с практикой Шипмана, с числом смертей в значительно более крупной Brooke Practice. Сравнение не давало ответа. Но оно показало, что вопрос нельзя свести к одному странному случаю.

На экране появились две цифры.

Шестнадцать и четырнадцать.

— Важно понимать: эти числа не преувеличивали проблему. Речь шла лишь о той части документов Шипмана, которую видели врачи соседней практики. Поэтому реальное расхождение могло быть ещё больше.

Я сделал паузу.

— Двадцать четвёртого марта 1998 года Рейнольдс сообщила о своих опасениях коронеру Джону Полларду.

Тимур сменил имя на мониторе.

— Перед ним находились два возможных объяснения. Первое: Шипман был особенно внимательным врачом, чаще лечил пациентов дома и потому чаще оказывался рядом в конце их жизни. Второе: он причастен к смертям. Эти объяснения не были равнозначны. Одно соответствовало привычному представлению о работе врача. Второе казалось почти невероятным. Но проверять следовало оба.

Я дошёл до конца страницы.

— Стоп, — сказала Лера.

Тимур выключил запись.

— Где проблема?

— В слове «почти».

— Второе объяснение действительно казалось невероятным.

— Кому?

— Людям, которые его проверяли.

— Тогда скажи это. Сейчас звучит так, будто невероятность была свойством самого предположения, а не реакцией людей.

Я перечитал предложение.

— «Для людей, знавших Шипмана как уважаемого врача, второе объяснение могло казаться почти невероятным».

— Лучше.

— Но тогда придётся вводить его репутацию.

— Мы уже вводили.

— Да, но давно.

— Зритель выдержит десять минут без повторения.

— Ты переоцениваешь зрителя.

— Ты недооцениваешь собственный выпуск.

Она сказала это без улыбки и сразу отвернулась к ноутбуку.

Я некоторое время смотрел на неё.

— Это сейчас была поддержка?

— Мы теряем время.

— Понятно. Показалось.

Тимур снова включил камеру.

До первой полицейской проверки мы добрались с третьего дубля.

В марте 1998 года расследование поручили детективу-инспектору Дэвиду Смиту. Последующая комиссия пришла к выводу, что он не понял значения сравнительной смертности, не задал Рейнольдс ряд ключевых вопросов и не разобрался в процедурах регистрации и кремации. Возможности, которые могли быть исследованы, не были должным образом использованы.

— Мы должны быть аккуратны, — сказал я в камеру. — Смит не располагал тем массивом информации, который позднее собрали следствие и публичная комиссия. Но его задача состояла именно в том, чтобы собрать больше информации, а не решить заранее, какое объяснение выглядит правдоподобнее.

Я перелистнул страницу.

— Он запросил свидетельства о смертях, обратился к медицинскому советнику и посетил крематорий. То есть проверка существовала не только на бумаге. Проблема была не в полном бездействии. Проблема была в том, какие вопросы задавались, какие данные сопоставлялись и какие возможности не были использованы.

Лера подняла палец, но дала мне закончить.

— Семнадцатого апреля расследование закрыли. Смит сообщил Рейнольдс, что подтверждения её опасениям не найдено. Впоследствии комиссия пришла к выводу, что проверка проводилась человеком, не имевшим необходимого опыта расследования необычных преступлений, без ясного плана и без достаточного руководства.

— Стоп, — сказала Лера.

Я выдохнул.

— Что сейчас?

— «Необходимого опыта» звучит мягче, чем вывод отчёта, но нормально. А вот перед этим ты сказал, что проверка была реальной. Это может прозвучать как её защита.

— Я не защищаю. Я объясняю, почему не хочу говорить: «Полиция ничего не сделала».

— Тогда добавь вывод.

— Какой?

— Действия сами по себе не равны расследованию. Важно, отвечали ли они на поставленный вопрос.

Я записал её фразу на полях.

— Это твоё?

— Теперь наше.

— Очень удобно.

— Поэтому я редактор.

Мы пересняли абзац.

В новой версии я не оправдывал проверку её существованием и не сводил провал к лени одного человека. Были запросы, встречи, документы, таблица. Но никто не сумел превратить их в проверку главной гипотезы.

Поезд двигался.

Просто не туда.

Сравнение было хорошим, но я его вычеркнул.

Слишком красивое.

После обеда мы записали самый трудный фрагмент.

Не потому, что в нём было много дат.

Потому что между двумя датами находились три человека.

Расследование закрыли 17 апреля 1998 года. До ареста Шипмана умерли ещё три его пациентки. Комиссия пришла к выводу, что Шипман убил всех троих и что при иной организации первой проверки их жизни, вероятно, удалось бы сохранить.

Я не произнёс их имена быстро.

Не поставил на фоне музыку.

На экране они появлялись по одному, без фотографий и без дат смерти рядом.

В документальном кино число часто экономит время.

Три человека.

Пятнадцать обвинений.

Двести пятнадцать жертв.

Но число также позволяет не задерживаться ни на ком конкретном.

Я закончил предложение и посмотрел на Леру.

Она не остановила запись.

— Последней из этих трёх женщин была Кэтлин Гранди. После её смерти история изменилась не потому, что система наконец увидела общую статистику. Всё началось с документа, который оказался неправильным одному человеку.

На экране появилось имя Анджелы Вудрафф.

— Вудрафф была дочерью Кэтлин Гранди и работала юристом. Когда обнаружилось завещание, по которому имущество её матери должно было перейти Гарольду Шипману, она заподозрила подделку и обратилась в полицию.

Я продолжил спокойно.

— Шипман был указан единственным получателем наследства. Подозрение в подделке привело к расследованию обстоятельств смерти Гранди. Седьмого сентября 1998 года Шипмана арестовали. Затем проверка распространилась на другие внезапные смерти его пациентов.

Я остановился.

На экране передо мной стояла последняя часть текста.

— Тридцать первого января 2000 года Шипмана признали виновным в убийстве пятнадцати пациенток. Публичное расследование изучило сотни смертей и пришло к выводу, что за двадцать четыре года он убил не менее двухсот пятнадцати пациентов.

Тимур сменил заставку.

На ней не было числа.

Только несколько папок с документами.

— Мы начали этот выпуск с вопроса о доверии. Но доверие не объясняет всё, что произошло. Дебора Бамброфф заметила необычные обстоятельства. Линда Рейнольдс увидела статистическое расхождение. Коронер передал информацию полиции. Полицейский запросил документы. Медицинский советник их изучил.

Я положил листы на стол.

— Нельзя сказать, что никто ничего не видел.

Пауза.

— Правильнее сказать, что разные люди видели разные части. А система, которая должна была соединить эти части, не сделала этого вовремя.

За камерой никто не двигался.

— Когда позже была собрана общая картина, она казалась очевидной. Но очевидность, созданная итоговым отчётом, не существовала в марте 1998 года. Тогда существовали отдельные смерти, отдельные формы, отдельные сомнения и невероятное предположение о враче, которому доверяли пациенты.

Я посмотрел прямо в объектив.

— Это не снимает ответственности за провал проверки. Но помогает понять, в чём именно состоял провал. Люди не обязаны заранее знать ответ. Система обязана уметь проверять вопрос.

Индикатор камеры погас.

Тимур снял наушники.

Лера медленно закрыла сценарий.

— Всё, — сказал я.

— Почти, — ответил Тимур.

Я посмотрел на него.

— Что значит «почти»?

— В середине проехала машина с музыкой.

— Сильно слышно?

— Нет.

— Тогда почему почти?

— Мне нравится наблюдать, как ты напрягаешься.

Лера встала.

— Финал оставляем.

— Без пересъёмки?

— Без пересъёмки.

Я посмотрел на часы.

Мы работали почти шесть часов.

Готовый фрагмент занимал двадцать две минуты.

— Иногда мне кажется, — сказал я, — что проще было бы снять двухчасовой выпуск одним дублем.

— Ты уже пробовал, — напомнил Тимур.

— Это был первый год канала.

— Ты на сороковой минуте забыл фамилию главного подозреваемого.

— Зато честно показал процесс вспоминания.

— Семь минут процесса.

Лера положила сценарий в папку.

— Монтируем.

К вечеру студия изменилась.

Во время записи всё вращалось вокруг стола и камеры. Во время монтажа центром становился компьютер Тимура. Мы втроём сидели перед двумя экранами и смотрели на цветные полосы звуковых дорожек, названия файлов и собственные лица, остановленные в неудачные моменты.

На одном кадре я выглядел оскорблённым.

— Что там происходило? — спросил я.

— Лера вычеркнула метафору, — сказал Тимур.

На следующем кадре я смотрел на бумаги с выражением человека, которому сообщили результаты медицинского обследования.

— А здесь?

— Ты увидел длину следующего абзаца.

— Неудачные стоп-кадры — манипуляция.

— Камера фиксирует правду.

— Камера фиксирует одну двадцать пятую секунды.

— Значит, очень точную правду.

Тимур начал собирать начало выпуска.

Я сидел рядом и проверял подписи. Лера отвечала на письмо по поводу архивных фотографий.

Работа над делом ещё не была закончена.

Предстояло проверить субтитры, расставить источники, пересмотреть графику, написать описание, согласовать название и убедиться, что автоматическая система платформы не сочла слово «крематорий» рекламой ритуальных услуг.

Но текст был закрыт.

Это ощущалось почти физически.

Папка перестала расширяться.

Вопросы больше не появлялись быстрее ответов.

Я открыл почту.

За день пришло пятьдесят семь сообщений. Предложения рекламы, просьбы разобрать дела, исправления к старым выпускам, два письма от людей, утверждавших, что знают личность неизвестного преступника, и одно от Павла.

Тема письма:

«На потом. Но тебе понравится структура материалов».

Внутри находилась ссылка на архив ФБР.

— Что там? — спросила Лера, не отрываясь от своего экрана.

— Павел прислал новое дело.

— Какое?

Я прочитал имя.

— Израэль Киз.

Тимур продолжал двигать фрагменты на монтажной шкале.

— Это тот американец, про которого все рассказывают, что он ездил по стране и годами оставался незаметным?

— Примерно так его обычно и рассказывают.

— А на самом деле?

— Пока не знаю.

Лера повернулась ко мне.

— Мы ещё этот выпуск не собрали.

— Я только посмотрю, что есть в открытом доступе.

— Ты никогда не «только смотришь».

— Иногда смотрю и закрываю.

— Назови один случай.

Я задумался.

— Видишь, — сказала она.

Но ссылку я уже открыл.

На странице находились десять частей архива ФБР. Материалов было достаточно не для одного вечера, а для нескольких недель работы.

— Десять частей, — сказал я.

— Закрой, — ответила Лера.

— Я просто считаю.

— Ты уже открыл первую.

На экране загружался документ.

— Нужно убедиться, что это не десять страниц.

— Это не десять страниц.

— Тем более полезно знать заранее.

Тимур увеличил звук на монтаже.

Из колонок донёсся мой голос:

— Правильнее сказать, что разные люди видели разные части.

Он остановил воспроизведение.

— Слишком тихо записали последнюю фразу.

— Можно поднять?

— Можно. Но тогда будет слышно кресло.

— Что с креслом?

— Оно выразило мнение.

Тимур увеличил дорожку. На фоне моего голоса раздался едва заметный скрип.

— Не слышно, — сказала Лера.

— Теперь ты знаешь, что он есть, и будешь слышать всегда, — ответил Тимур.

Я надел наушники и снова включил первую запись допроса Киза.

В комнате сидели несколько человек. Следователи задавали вопросы. Киз отвечал спокойно, иногда коротко, иногда начинал рассуждать не о самом событии, а о том, что произойдёт, если он сообщит больше.

Я открыл стенограмму рядом с видео.

— Кирилл, — сказала Лера.

— Две минуты.

— Ты пять минут назад сказал, что только проверишь объём.

— Объём проверен. Теперь проверяю качество расшифровки.

— Зачем?

— Чтобы не брать дело, если материалы плохие.

Лера некоторое время смотрела на меня, затем вернулась к письму.

— Две минуты.

Я продолжил читать.

В нейтральных вопросах Киз отвечал сравнительно прямо. При приближении к неизвестной следствию информации разговор смещался к условиям: кто узнает, что попадёт в прессу и что он получит взамен. Молчание не было пустым — оно участвовало в разговоре.

Следователь задал следующий вопрос.

Киз ненадолго замолчал.

Мне показалось, что сейчас он не станет отвечать по существу. Сначала спросит, что произойдёт с информацией.

Так и случилось.

Я отмотал запись назад.

— Что? — спросил Тимур.

— Ничего.

— Ты отмотал.

— Хотел проверить одну реплику.

Я снова прослушал фрагмент. Пауза была короткой: человек просто решал, какую часть ответа оставить при себе. Меня раздражало, что сведения о погибших он превращал в собственность, но логика была ясна — у разговора существовала граница, которую он не собирался переходить.

Я снял наушники.

— Две минуты закончились, — сказала Лера.

— Да.

— И?

— Материалы хорошие.

— Это я поняла по твоему лицу.

— А что с моим лицом?

Тимур повернулся от экрана.

— Оно перестало находиться здесь.

Я закрыл стенограмму, но вкладку оставил открытой.

— Сначала заканчиваем Шипмана.

— Именно, — сказала Лера.

Тимур запустил экспорт первой части монтажа.

На одном экране медленно заполнялась полоса готовности выпуска о враче из Хайда.

На другом оставался архив нового дела.

Я не видел в этом никакого символа.

Просто компьютеру было удобно показывать два окна одновременно.

Полоса дошла до семи процентов.

Телефон Леры зазвонил. Тимур обнаружил, что забыл вставить одну заставку. Я снова открыл список источников по Шипману, чтобы проверить подпись под документом.

Новое дело подождало.

Не исчезло.

Просто находилось рядом.

Глава 4. Условия разговора

Экспорт остановился на девяти процентах.

Тимур посмотрел на полосу загрузки.

— Девять — хорошее число.

— Чем?

— Оно почти двузначное.

— Экспорт должен дойти до ста.

— Не дави на него. Он только начал.

На экране появилась надпись об ошибке. Полоса исчезла.

Тимур откинулся на спинку кресла.

— Вот видишь. Ты его напугал.

Было без четверти восемь. За окнами давно стемнело, соседнее помещение молчало, а в коридоре Олег Петрович выключил половину ламп. Так он напоминал оставшимся арендаторам, что здание не предназначено для круглосуточного проживания.

Лера стояла возле монтажного стола и проверяла список титров. Папка с материалами о Шипмане лежала рядом. Ещё утром она не закрывалась. Теперь все документы поместились внутрь, хотя для этого Лере пришлось вынуть мои заметки на полях.

Она называла их повторениями.

Я — промежуточными выводами.

Некоторые промежуточные выводы занимали четыре страницы.

— Запускай ещё раз, — сказала она.

— Сначала нужно понять причину ошибки.

— Ты понимаешь?

— Нет.

— Тогда запускай ещё раз.

Тимур нажал несколько клавиш.

Полоса появилась заново.

На втором мониторе оставалась открыта страница архива ФБР. Десять частей материалов по делу Израэля Киза стояли одна под другой. Названия отличались только номером и словом «финальная» возле последней части.

Я открыл первую.

— Кирилл, — сказала Лера.

— Что?

— Закрой.

— Я ничего не делаю.

Она посмотрела на монитор.

— Документ открыт.

— Это ещё не работа. Я проверяю, как устроен архив.

— Он устроен из документов.

— Теперь мы знаем.

Тимур следил за полосой экспорта.

— Двенадцать процентов.

— В прошлый раз на двенадцати всё было нормально, — заметил я.

— В прошлый раз всё было нормально до девяти.

— Значит, мы уже улучшили результат.

Лера убрала папку в коробку.

— Мы сегодня заканчиваем Шипмана.

- Мы закончили.
- Файл не выгружен.
- Текст закончен.
- Выпуск — не текст.
- Для автора это спорное утверждение.
- Для платформы — нет.

Она взяла мой ноутбук и закрыла его.

Я успел убрать руку.

- Это нарушение личных границ.
- Твои личные границы только что пытались открыть второй архив.
- Первый.
- Тем более.

Я посмотрел на закрытый ноутбук.

Информация никуда не исчезла. Она просто перестала быть видна.

На монтажном экране полоска дошла до двадцати четырёх процентов.

Тимур повернулся ко мне.

- Кто такой Киз?
- Американский серийный убийца.
- Это я помню. Ты вчера говорил.
- Тогда зачем спрашиваешь?
- Хочу понять, почему ты смотришь его допросы, пока мы заканчиваем выпуск о другом

серийном убийце.

- Чтобы выбрать следующую тему.
- Мы выбирали следующую тему три недели назад.
- И выбрали Шипмана.
- Именно.
- Теперь она перестала быть следующей.

Тимур задумался.

- Формально не поспоришь.

Лера села напротив меня.

- Что именно прислал Павел?
- Ссылку на материалы ФБР.
- Я вижу. Что там?
- Десять частей архива, опубликованные записи допросов и хронология перемещений.
- И что тебя заинтересовало?
- Пока не знаю.
- Знаешь.

- Тогда зачем спрашиваешь?

- Хочу услышать, как ты это сформулируешь.

На экране экспорт дошёл до тридцати процентов.

Я посмотрел на закрытый ноутбук.

— В популярных пересказах Киза обычно описывают как человека, который заранее готовил всё необходимое, оставлял тайники в разных штатах, выбирал незнакомых людей и специально разрывал связь между поездками и преступлениями.

- Это правда? — спросил Тимур.

— Частично. Некоторые элементы подтверждены. Другие известны в основном с его слов. Проблема в том, что после ареста он стал главным источником информации о самом себе.

Лера кивнула.

- Это уже похоже на тему.

— Но не на ту, которую обычно рассказывают.

— А на какую?

Я открыл ноутбук.

Лера не стала закрывать его снова.

На странице стояло видео одного из допросов. За столом сидели следователи, прокурор, адвокат и Киз. Изображение было обычным для служебной записи: неподвижная камера, плохой свет, стаканы с водой, бумаги.

Если убрать фамилии, невозможно было понять, что именно обсуждают эти люди.

— Они провели с ним больше сорока часов, — сказал я. — Но опубликованные разговоры не похожи на последовательное признание. Он не приходит и не рассказывает всё по порядку. Они каждый раз договариваются о том, что он готов сообщить, что получит взамен и кто узнает подробности.

— Что он хотел получить?

— Быстрое завершение процесса. Смертный приговор. Отсутствие отдельных судов в разных штатах. И чтобы часть информации не попала в прессу.

Тимур отвёл взгляд от полосы.

— Он хотел, чтобы о его преступлениях не рассказывали?

— Он хотел решать, как о них будут рассказывать.

Лера посмотрела на меня.

— Это разные вещи.

— Именно.

Экспорт дошёл до сорока одного процента.

На записи один из следователей поправлял микрофон. Несколько секунд участники обсуждали технику. Киз спокойно ждал. Без музыки и затемнения он выглядел не как персонаж трейлера, а просто как человек за столом.

На записи Киз начал говорить. Он отвечал не сразу, но паузы не выглядели долгими. Иногда он уточнял вопрос. Иногда переводил разговор на условия возможной сделки. Иногда начинал обсуждать, что произойдёт с информацией после того, как он её сообщит.

Я уже слышал этот фрагмент вчера.

Следователь спросил о другом преступлении.

Киз опустил глаза и ненадолго замолчал.

Я остановил видео.

— Сейчас он не ответит, — сказал я.

— Ты уже смотрел? — спросила Лера.

— Этот момент — нет.

— Тогда откуда знаешь?

— Вопрос задан неправильно.

— Что значит неправильно?

— Ему предлагают сразу перейти к фактам. А он ещё не понял, кто получит запись и может ли информация стать публичной.

Я включил видео.

Киз не ответил по существу. Сначала спросил, что произойдёт с материалами разговора.

Тимур повернулся ко мне.

— Угадал.

— Это несложно.

Я отмотал назад.

— Значит, ты теперь будешь предсказывать ответы серийного убийцы? — спросила Лера.

— Я не предсказал ответ. Я предсказал, что ответа не будет.

— Мне от этого не спокойнее.

Я отмотал паузу ещё раз, пытаюсь понять, когда он решил ничего не говорить. Лера заметила, что решение могло быть принято раньше и по паузе его не доказать. Я не согласился, но выключил запись.

Экспорт дошёл до пятидесяти восьми процентов.

Тимур смотрел то на полосу, то на меня.

— У вас сейчас происходит спор, который я недостаточно образован, чтобы оценить?

— Кирилл пытается провести психологический анализ паузы длиной в две секунды.

— Полторы, — сказал я.

— Тогда всё серьёзнее, чем я думал.

Я выключил запись.

Некоторое время в комнате было слышно только вентиляторы компьютера.

Лера открыла таблицу с задачами по выпуску.

— Нам ещё нужно проверить описание, таймкоды и подписи под источниками.

— Проверим.

— Сегодня.

— Я здесь.

— Физически.

Тимур тихо сказал:

— Лицо опять ушло.

— Моё лицо никуда не уходило.

— Я его вижу каждый день. Оно по-разному присутствует.

— Займись экспортом.

— Он пока справляется без меня.

Полоса дошла до шестидесяти двух процентов и остановилась.

Тимур медленно повернулся к экрану.

— Я ничего не говорил.

Процент не менялся.

— Не трогай, — сказала Лера.

— Я не трогаю.

— Даже мышью.

— Я держу руки на виду.

Он поднял ладони.

Процент сменился на шестьдесят три.

Тимур опустил руки.

— Уважает силу.

Мы вернулись к выпуску о Шипмане.

В описании дважды стояло слово «система». Один раз — «системный». Лера предложила заменить одно из повторений. Я защищал его почти три минуты, после чего обнаружил, что повтор действительно мешает.

Затем мы проверили фамилии.

Потом даты.

Потом ссылки на официальные отчёты.

У одной фотографии не совпадал год. У другого документа в титрах была указана дата публикации, а не дата самого отчёта. Тимур передвинул заставку на четыре секунды, потому что раньше она появлялась до того, как я произносил имя.

К девяти часам экспорт дошёл до ста процентов.

Мы смотрели на готовый файл молча.

— Открывай, — сказала Лера.

Тимур включил начало.

На экране появилась улица Хайда. Затем вывеска медицинской практики. Мой голос говорил о городе, где люди много лет приходили к врачу за помощью.

Мы просмотрели первые три минуты.

Звук был на месте.

Изображение не пропадало.

Титры появлялись вовремя.

— Всё, — сказал Тимур.

— Нужно проверить конец, — сказала Лера.

— Я проверял.

— В готовом файле.

Он передвинул ползунок почти до финала.

На экране возникли папки с документами.

Мой голос произнёс:

— Люди не обязаны заранее знать ответ. Система обязана уметь проверять вопрос.

Затем появилась заставка с источниками.

Тимур остановил видео.

— Теперь всё.

Лера закрыла список задач.

В правом верхнем углу таблицы все строки впервые стали зелёными.

Я посмотрел на папку с материалами.

Несколько дней назад она казалась незаконченной историей. Теперь у неё появились начало, конец и продолжительность двадцать две минуты сорок восемь секунд.

Остальное не исчезло.

Просто не вошло в выпуск.

Лера надела пальто.

— Завтра ничего не начинаем.

— Почему?

— Потому что после большого выпуска нужен хотя бы один день, когда мы не погружаемся в новое дело.

— Можно не погружаться. Можно посмотреть сверху.

— Нет.

— Составить список источников.

— Нет.

— Просто решить, стоит ли вообще заниматься темой.

— Ты уже решил.

— Я ещё ничего не решил.

Она посмотрела на открытый архив.

— Конечно.

Тимур выключил большой монитор.

Комната сразу стала темнее. На экране моего ноутбука осталась неподвижная запись допроса.

— Ты едешь? — спросил он.

— Через несколько минут.

Лера взяла со стола ключи.

— Сколько именно?

— Обычные несколько.

— Пять?

— Не обязательно.

— Мы знаем, что у тебя означает пять.

— Сегодня всё иначе.

Тимур надел куртку.

— Он уже начал новую жизнь.

— И как? — спросила Лера.

— Пока не вышел из старой комнаты.

Они ушли.

Я услышал, как в коридоре Лера попрощалась с Олегом Петровичем. Потом хлопнула входная дверь.

Студия стала тихой.

На столе лежала флешка с готовым выпуском о Шипмане. Рядом стоял ноутбук с открытым допросом Киза.

Несколько секунд я смотрел на оба предмета.

Потом убрал флешку в ящик.

Я собирался посидеть пять минут.

На записи обсуждали возможное соглашение. Следователи хотели получить имена, места и сведения, которые позволили бы установить других погибших. Киз хотел знать, будут ли новые обвинения, смогут ли отдельные штаты начать собственные процессы и какие подробности окажутся в открытом суде.

Разговор двигался медленно. В стенограмме паузы выглядели одинаково; на записи отличались. Я поставил несколько меток, потом удалил половину, поняв, что принимаю обычные остановки речи за намеренные. Это было хорошим знаком: я ещё мог исправлять собственные выводы.

В новом документе появилась таблица.

Слева я написал:

ЧТО ХОТЯТ СЛЕДОВАТЕЛИ

Справа:

ЧТО ХОЧЕТ КИЗ

В первой колонке стояли имена, места, подтверждаемые подробности и возможность найти других жертв.

Во второй — скорость процесса, ограничение публичности, контроль над участием других юрисдикций.

Я перечитал строки.

Слишком аккуратно.

Таблица создавала впечатление равного обмена между двумя сторонами. Но равенства не было.

Следователи пытались установить, что произошло с людьми.

Киз распоряжался сведениями, которые получил только потому, что сам стал причиной их исчезновения.

Я удалил заголовок второй колонки.

Написал:

ЧТО ОН УДЕРЖИВАЕТ

Так было точнее.

Телефон показал десять сорок семь.

В общем чате появилось сообщение от Тимура:

Экспорт жив?

Я ответил:

Да.

Лера написала сразу после меня:

А ты?

Тоже.

Ты ещё в студии?

Я посмотрел на дверь.

Лгать о местонахождении было бессмысленно. Тимур устанавливал систему сигнализации и получал уведомления, когда помещение закрывали.

Уже уйду.

Тимур прислал фотографию старого холодильника с подписью:

У него были те же планы.

Я сохранил таблицу и закрыл ноутбук.

На улице было холоднее, чем утром. Возле входа стояла машина доставки. Водитель спал, откинув кресло. Телефон лежал у него на груди и время от времени освещал салон.

Я прошёл мимо.

По дороге домой я пытался сформулировать, что именно удерживало меня в этих записях.

Не преступления.

О них Киз как раз говорил мало.

Не масштаб. Число жертв оставалось оценкой следователей, основанной прежде всего на его собственных словах и реакциях. Три жертвы были установлены достоверно. Остальные находились где-то между признаниями, намёками, поездками и незакрытыми делами.

Не подготовка.

Тайники и длинные маршруты звучали впечатляюще, пока их не начинали повторять как доказательство почти сверхъестественной предусмотрительности. Но человек, которого описывали как исключительно осторожного, использовал банковскую карту похищенной девушки и оставил цепочку операций, по которой его нашли.

Это не делало его менее опасным.

Только менее похожим на персонажа, которого из него построили потом.

Меня интересовало другое.

После ареста у него почти ничего не осталось. Он находился под стражей. Следователи знали о Саманте Кёниг. Начинали проверять другие эпизоды. Его поездки восстанавливали по билетам, аренде машин, банковским операциям и гостиничным записям.

Он больше не управлял тем, где находится и что с ним произойдёт.

Но продолжал владеть одной вещью.

Общей картиной.

Следователи видели отдельные части. Он знал, какие из них связаны.

В деле Шипмана это было проблемой системы.

Теперь тот же принцип находился в руках одного человека.

Я остановился у пешеходного перехода.

На другой стороне улицы рекламный экран показывал трейлер нового сериала. Лицо мужчины возникло в темноте, затем резко сменилось фотографией леса. Красные буквы обещали рассказать историю преступления, которое «потрясло страну».

Звук не было.

Без него монтаж выглядел почти смешно.

Мужчина медленно поворачивал голову.

Лес становился темнее.

На экране появлялась женщина, которая смотрела за пределы кадра.

Каждое изображение само по себе ничего не доказывало. Но последовательность уже объясняла зрителю, кого бояться.

Загорелся зелёный.

Я перешёл улицу.

Дома я не включал ноутбук почти двадцать минут.

Полужинал.

Поставил чашку в раковину.

Вернулся и помыл её, потому что решил не создавать себе проблему на утро.

Только после этого открыл следующую запись.

В пересказах бытовые моменты обычно вырезали: они мешали готовому образу. Монтаж оставлял неподвижный взгляд, понижал яркость и добавлял паузу — человек превращался в иллюстрацию к уже известному ответу. С Кизом происходило то же самое, только в большем масштабе.

Я остановил запись на случайном кадре.

Он смотрел немного в сторону. Рот был приоткрыт перед началом фразы. Обычный неудачный стоп-кадр.

Я сделал снимок экрана.

Затем открыл фрагмент нашего выпуска.

Остановил на собственном лице.

Я смотрел вниз, на лежавшие передо мной документы. Свет падал только с одной стороны. Из-за движения брови выражение получилось тяжёлым.

Я поставил два изображения рядом.

Смысла в этом не было.

Разные люди.

Разные камеры.

Разное качество записи.

Но если убрать подписи, зритель не знал бы, кто из нас рассказывает о преступлении, а кто отвечает за него.

Я закрыл оба изображения.

Через несколько секунд открыл снова.

На следующий день я приехал в студию позже Леры, но раньше Тимура.

Это считалось приемлемым результатом.

Лера сидела за компьютером и просматривала комментарии под новым выпуском. Ролик опубликовали в десять утра. За первые сорок минут кто-то уже успел обвинить нас в том, что мы оправдываем полицию, обвиняем полицию, защищаем врачей, нападаем на врачей и намеренно скрываем правду о британской королевской семье.

Последний комментарий был самым длинным.

— Мы упомянули королевскую семью? — спросил я.

— Нет.

— Тогда особенно интересно.

— Я дочитала до слова «масоны».

— И?

— Дальше была схема.

Она закрыла комментарий.

На столе стоял второй стакан кофе.

Я взял его.

— Это мне?

— Нет. Я случайно купила кофе с твоим именем.

На крышке действительно было написано «Кирилл».

— Могла существовать другая версия.

— Какая?

— Бариста увидел человека, которому необходима помощь.

Лера посмотрела на меня внимательнее.

— Ты спал?
— Да.
— Сколько?
— Достаточно, чтобы приехать сюда.
— Это не единица измерения.
— У сна вообще нет удобной единицы. Часы создают ложное ощущение точности.
— Сколько?
— Четыре с половиной.
Она вернулась к экрану.
— Сегодня ты не работаешь над Кизом.
— Хорошо.
— Я серьёзно.
— Я тоже.
— У тебя открыт файл с его фамилией.
Я посмотрел на ноутбук.
На экране была таблица, которую я составлял ночью.
— Она открылась автоматически.
— Компьютер беспокоится, что ты забудешь.
— Техника становится внимательнее.
Лера прочитала заголовки колонок.
— «Что хотят следователи». «Что он удерживает».
— Рабочая схема.
— Для чего?
— Для структуры.
— Какой?
— Пока никакой.
Она прокрутила таблицу вниз.
— Ты отметил паузы?
— Некоторые.
— Зачем?
— Они показывают, где меняется разговор.
— Или показывают, где человек делает вдох.
— Поэтому я удалил половину.
— Это должно меня успокоить?
— Обычно ты поддерживаешь исправление ошибок.
Она закрыла таблицу.
— Меня беспокоит не ошибка.
— А что?
— Ты начал смотреть на разговор как на игру.
— Это переговоры.
— Для следователей — работа. Для семей погибших — возможность узнать, что произошло. Игрой это было только для одного человека в комнате.
— Я не называю это игрой.
— Пока нет.
Дверь открылась. Тимур вошёл с коробкой нового штатива, который после установки занял половину студии.
— Он выдерживает двенадцать килограммов, — сообщил Тимур.
— Наша камера весит меньше трёх.
— Значит, выдержит уверенно.

— Один человек его унесёт?

— Унесёт. Но примерно на третьем этаже перестанет уважать автора идеи.

Лера открыла календарь.

— На улице ничего не снимаем до следующей недели.

— Я спрашивал теоретически.

— Конечно.

До обеда мы отвечали на письма.

Два человека прислали исправления к выпуску. Одно оказалось верным: в подписи к документу пропустили второе имя автора отчёта. Второе основывалось на статье, которая ссылалась на другой сайт, а тот — на давно удалённый форум.

Я исправил подпись.

На форум отвечать не стал.

Павел написал снова.

Посмотрел материалы?

Я набрал:

Начал.

Он ответил почти сразу:

Интервью сильнее пересказов. Особенно когда понимаешь, что он пытается получить от каждого разговора.

Я посмотрел на Леру.

Она разговаривала по телефону с представителем архива.

Да, — написал я.

Павел прислал ещё одно сообщение:

Не верь всему, что он рассказывает о себе. Он сам строил легенду ещё до журналистов.

Я перечитал фразу.

Киз не мог контролировать всё, что напишут после его смерти.

Но мог оставить материал, из которого будут выбирать.

Признанные преступления.

Намеки на другие.

Тайники.

Поездки.

Фразы о двойной жизни.

Достаточно деталей, чтобы создать фигуру крупнее доказанного.

Недостаточно, чтобы проверить её целиком.

— Кирилл.

Я поднял голову.

Лера закончила разговор.

— Что?

— Ты десять секунд смотришь на выключенный телефон.

— Он не выключен.

— Экран погас.

Я положил телефон на стол.

— Павел написал, что Киз сам создавал собственную легенду.

— Разумная мысль.

— Но если это так, выпуск нельзя строить только на разоблачении мифов.

— Почему?

— Потому что миф тоже является частью дела. Нужно показать, из чего он появился.

— Сначала нужно понять, какие его части подтверждены.

— Я понимаю.
— Нет. Ты понимаешь, как он разговаривал. Это не одно и то же.
Она повернула ко мне ноутбук.
На экране был пустой документ.
— Напиши три абзаца.
— О чём?
— Что мы знаем независимо от его слов.
— Сейчас?
— Сейчас.
— Это проверка?
— Да.
— Ты могла хотя бы скрыть её назначение.
— Тогда ты снова начнёшь изучать паузы.
Я придвинул ноутбук.
Первый абзац получился коротким.
Арест после похищения Саманты Кёниг. Признание в убийстве Билла и Лоррейн Карриер. Найденные сведения, подтвердившие часть его рассказа.
Во втором я написал о поездках, аренде машин и восстановленной хронологии.
Третий не получался.
Я начинал его трижды.
Каждый раз незаметно переходил от документов к словам самого Киза.
Лера наблюдала молча.
— Вот, — сказала она.
— Что?
— Граница.
— Я её вижу.
— Вчера ты видел её хуже.
Я удалил последний абзац.
— Поэтому нужны официальные материалы целиком.
— Нужны. Но не сегодня ночью.
— Это ограничение не связано с качеством работы.
— Связано.
— Каким образом?
— Завтра ты сможешь отличить важную деталь от той, которую заметил только потому, что услышал её в четвёртый раз.
Тимур появился в дверях.
— У меня вопрос.
— Технический? — спросила Лера.
— Философский.
— Тогда не к нам.
— Почему новый штатив поставляется с инструкцией на шестнадцати языках, но ни на одном не объясняется, куда девать лишний винт?
Он держал маленькую металлическую деталь.
— Возможно, она не лишняя, — сказал я.
— Тогда ситуация хуже.
Мы пошли смотреть штатив.
Винт оказался переходником для другой камеры. Тимур положил его в ящик, где хранились детали, назначение которых было известно только в момент покупки.
На ящике стояла наклейка:

НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ

Ниже Лера когда-то добавила:

ПОКА НЕ ВЫЯСНИМ, ЧТО ЭТО

Я вернулся к столу.

Документ с тремя абзацами оставался открытым.

Рядом находился случайный кадр из допроса. Киз смотрел на одного из следователей. По неподвижному изображению невозможно было определить, слушает он вопрос, обдумывает ответ или просто ждёт, когда разговор закончится.

Под фотографией не было подписи.

Я открыл стоп-кадр с собой.

Поставил рядом.

— Что это? — спросила Лера.

Я не услышал, как она подошла.

— Проверка.

— Чего?

— Насколько изображение зависит от контекста.

Она посмотрела на два лица.

— И что ты выяснил?

— Пока ничего.

— Тогда зачем сохранил?

— Чтобы выяснить.

— Кирилл, это фотография человека на допросе и твой кадр из студии.

— Ты знаешь, откуда они. Поэтому сравнение не работает.

— А для кого оно должно работать?

Я закрыл оба изображения.

— Ни для кого. Это упражнение.

— Какое?

Я хотел ответить, но подходящей формулировки не было.

Лера подождала.

— Мы постоянно используем изображения, — сказал я. — Выбираем кадр, продолжительность, момент появления. Иногда одна подпись полностью меняет то, что зритель видит.

— Да.

— Значит, нужно понимать предел этого эффекта.

— Мы его понимаем. Поэтому не используем случайные стоп-кадры, не затемняем лица и не ставим тревожную музыку там, где она создаёт вывод вместо текста.

— Это редакционные правила.

— Они появились не случайно.

— Но мы никогда не проверяли, насколько далеко можно зайти.

Лера некоторое время смотрела на меня.

— Нам и не нужно заходить далеко, чтобы знать, что туда не следует идти.

Она вернулась к своему столу.

Разговор закончился.

Но вопрос остался.

Вечером Тимур тестировал новый штатив. Он установил камеру в центре комнаты, включил широкий план и попросил нас пройти от одной стены до другой.

— Зачем? — спросила Лера.

— Проверяю движение.

— Штатив не двигается.

— Именно это я и хочу увидеть.

Я прошёл перед камерой.

На мониторе пустая студия приняла меня в кадр и отпустила с другой стороны.

— Ещё раз, — сказал Тимур.

— Что изменится?

— В прошлый раз ты посмотрел в объектив.

— Это привычка.

— Мне нужен естественный человек.

— Тогда позови кого-нибудь другого.

Лера прошла следом. Она не смотрела на камеру. Остановилась возле стеллажа, взяла папку и вернулась к столу.

Тимур просмотрел запись.

— У Леры естественно.

— У Леры была задача.

— Поэтому естественно.

Он поставил видео на паузу.

Я находился возле края кадра. Рука была поднята, будто я собирался что-то сказать. Лицо оказалось наполовину в тени.

— Удали, — сказал я.

— Почему?

— Неудачный момент.

— Камера фиксирует правду.

— Камера фиксирует одну двадцать пятую секунды.

— Значит, очень точную правду.

Он уже говорил это раньше.

Тогда фраза была шуткой.

Теперь я посмотрел на кадр внимательнее.

Если показать его отдельно, без студии, без Тимура и без предыдущих нескольких секунд, жест можно было понять иначе.

Не как начало объяснения.

Как предупреждение.

— Скинь мне этот фрагмент, — сказал я.

— Зачем?

— Хочу проверить одну вещь.

— Какую?

— Монтажную.

Лера подняла голову.

— Мы закончили монтаж.

— Не для выпуска.

Тимур посмотрел на неё.

Она едва заметно покачала головой.

— Тогда завтра, — сказал он.

— Отправить файл занимает минуту.

— Завтра тоже будет минута.

Он выключил камеру.

Я не стал спорить.

На улице шёл мелкий дождь. Мы закрыли студию и дошли до перекрёстка вместе. Лера свернула к метро. Тимур ждал автобус.

— Ты едешь на такси? — спросил он.

— Пройдусь.

— Под дождём?

— Он почти закончился.

Тимур посмотрел вверх.

Дождь усилился.

— Убедительно.

Мы попрощались.

Домой можно было дойти через две большие улицы или через парк за библиотекой. В хорошую погоду второй путь был короче. В дождь дорожки превращались в последовательность небольших водоёмов, но машин там почти не было.

Я пошёл через парк.

Фонари стояли далеко друг от друга. Между ними деревья и скамейки исчезали в темноте, затем появлялись снова. Возле детской площадки две девушки снимали видео на телефон. Одна стояла под навесом, другая несколько раз выбегала под дождь, поворачивалась к камере и возвращалась посмотреть результат.

Я прошёл мимо.

Через несколько шагов услышал:

— Давай ещё раз. В начале было нормально, потом ты засмеялась.

— Я замёрзла.

— Там пять секунд.

— Тогда сама встань.

Они поменялись местами.

Ничего необычного.

Люди постоянно просили незнакомых сфотографировать их. Снимали короткие ролики. Повторяли движение, пока оно не начинало выглядеть случайным.

Я дошёл до следующего фонаря и остановился.

Из студии сюда можно было принести маленькую камеру.

Не новую. Старую, которой мы почти не пользовались.

Большой штатив был слишком заметным. Но в кладовой оставался складной, рассчитанный на лёгкую технику. Его можно было поставить возле дорожки, выбрать общий план и записать несколько секунд.

Как упражнение.

Не для публикации.

Проверить, насколько изображение меняется без объяснения.

Нужен был второй человек.

Не Лера. Она заранее знала бы, что именно я проверяю, и начала бы спорить ещё до включения камеры.

Не Тимур. С ним любой кадр через двадцать секунд превращался в обсуждение настроек.

Незнакомый человек не видел бы во мне ведущего криминального канала, коллегу или брата. Только мужчину с камерой, который просит помочь снять короткую постановочную сцену.

Можно было сказать, что это проба для ролика.

Объяснить, что всё будет безопасно.

Получить согласие.

Поставить камеру.

Снять сцену, в которой я изображаю нападающего, а девушка — его жертву. Не настоящее действие. Заведомо безопасная имитация удушения для кадра.

Потом посмотреть запись.

Не начало, где я объясняю задачу.

Не конец, где мы прекращаем играть роли.

Только середину.
Несколько секунд без контекста.
Я представил неподвижную камеру, пустую дорожку и две фигуры в глубине кадра.
Представил, как буду выглядеть со стороны.
Мысль появилась целиком, без промежуточных шагов.
Это насторожило меня меньше, чем должно было.
Я пошёл дальше.
До дома оставалось пятнадцать минут.
У первого выхода из парка стояла камера наблюдения. Небольшой тёмный корпус был направлен на дорожку. Под ним висела табличка о видеозаписи.
Я поднял голову.
Камера уже снимала меня.
Только я не знал, как выглядел в её кадре.
Дома я открыл карту и нашёл парк.
Потом закрыл.
Через минуту открыл снова.
Не для того, чтобы выбрать место.
Просто хотел посмотреть, где заканчивается дорожка.
На экране она проходила между библиотекой и старым спортивным полем, разделялась надвое и снова выходила к улице.
Я увеличил изображение.
Мысль ещё не была планом.
У плана существовали время, последовательность действий и цель.
Здесь пока была только камера.
Штатив.
Незнакомая девушка.
И несколько секунд, в которых никто, кроме меня, не знал бы, что произошло до начала записи и что произойдёт после.
Я закрыл карту.
На этот раз вкладку оставил открытой.

Глава 5. Пробный кадр

Утром парк выглядел хуже, чем на карте.

На спутниковом снимке дорожки были ровными, деревья — аккуратными, а старое спортивное поле напоминало место, где люди добровольно занимаются физическими упражнениями.

В действительности асфальт потрескался, между скамейками лежали мокрые листья, а возле ограды кто-то оставил пакет с пустыми бутылками.

Я решил, что это хороший знак.

Место не подходило для съёмки.

Следовательно, можно было сразу уйти.

В рюкзаке лежала камера.

Не основная. Старая беззеркалка, которую мы использовали для второго плана, пока Тимур не объявил, что её система автофокуса обладает свободой воли. Рядом находились складной штатив, запасной аккумулятор и петличный микрофон.

Микрофон я взял по привычке.

Для проверки изображения звук не требовался.

Я остановился у карты парка.

Красная точка показывала моё местоположение. От неё расходились три дорожки: к библиотеке, спортивному полю и выходу на большую улицу.

Можно было пройти через парк и поехать в студию.

Никто не знал, что я здесь.

Лера считала, что утром я работаю дома над структурой следующего выпуска. Тимур прислал фотографию нового штатива, установленного посреди студии, и сообщение:

Он пережил ночь.

Я ответил:

Поздравляю обоих.

Это не было ложью.

Только неполной информацией.

В деле Шипмана разные люди видели разные части. Киз сам решал, какие части увидят следователи.

Я просто не сообщил коллегам о прогулке.

Сравнение было настолько плохим, что я несколько секунд стоял возле карты, пытаюсь понять, зачем вообще его придумал.

Потом пошёл к спортивному полю.

Утро было рабочим. В парке почти не встречалось людей, которые пришли сюда специально. Его использовали как короткий путь.

Мужчина в синей куртке разговаривал по телефону и нёс бумажный стакан.

Женщина с собакой смотрела только на собаку.

Двое школьников шли к выходу, передавая друг другу один наушник.

Никто не обращал на меня внимания.

Это тоже было хорошо.

Я выбрал место возле старой ограды. Дорожка здесь изгибалась, и камера могла стоять между деревьями, не мешая прохожим. На заднем плане оставались скамейка и участок пустого поля.

Я снял рюкзак.

Поставил на землю.

Расстегнул молнию.

Некоторое время смотрел на штатив.

В студии любое действие с камерой имело понятную последовательность. Выставить свет. Проверить питание. Подключить звук. Посмотреть границы кадра. Убедиться, что на фоне не лежит коробка с надписью «НЕ ТРОГАТЬ», которую каждый второй человек немедленно захочет рассмотреть.

Здесь последовательности не было.

Потому что не было съёмки.

Была мысль, которая несколько дней казалась интересной, пока не пришлось вынести её из головы в реальное место.

Я достал штатив.

Раздвинул одну ножку.

Остановился.

Со стороны это выглядело нормально. Человек пришёл в парк с камерой.

Проблема начиналась только после объяснения, что именно он собирается снимать.

Я сложил ножку обратно.

Убрал штатив в рюкзак.

Решение оказалось неожиданно простым.

Эксперимент был плохой идеей.

Даже если всё оставалось безопасной постановкой, я заранее знал результат. Изображение без контекста позволяло сделать неправильный вывод. Мы проверяли это каждый день, когда выбирали кадры для выпусков.

Не требовалось приводить незнакомого человека в парк, чтобы доказать очевидное.

Я застегнул рюкзак.

В этот момент рядом остановилась девушка.

— Простите.

Я повернулся.

Ей было около двадцати пяти. Светлая куртка, волосы собраны под капюшоном, через плечо висела небольшая сумка. В руке она держала телефон.

— Вы Кирилл Ветров?

Вопрос прозвучал неуверенно, будто она уже знала ответ, но боялась поставить незнакомого человека в неудобное положение.

— Да.

Она улыбнулась.

— Я так и подумала. Просто без студии вы немного другой.

— На улице хуже свет.

— Нет, я не в этом смысле.

— Тогда будем считать, что лучше.

Она засмеялась.

Смех был коротким, обычным.

Я почувствовал облегчение от того, что разговор пошёл по знакомой схеме.

Иногда меня узнавали. Обычно люди спрашивали о новых выпусках, рассказывали о деле, которое мы обязательно должны разобрать, или объясняли, почему Лера права чаще, чем я.

Последнее происходило подозрительно регулярно.

— Можно с вами сфотографироваться? — спросила девушка.

— Конечно.

Она встала рядом и вытянула руку с телефоном.

Я посмотрел на экран.

За нашими спинами были видны ограда, мокрые деревья и часть рюкзака.

— Подождите, — сказала она. — У меня лицо странное.

— Камера фиксирует одну тридцатую секунды. Статистически у неё всегда есть шанс выбрать неудачную.

— Вы сейчас меня успокоили или объяснили, почему нужно сделать ещё одну?

— Второе надёжнее.

Она сделала ещё два снимка.

На последнем мы оба выглядели нормально.

— Спасибо. Я смотрю вас почти с самого начала.

— Тогда вы видели период, который мы предпочитаем называть экспериментальным.

— Выпуски с кухни?

— Особенно их.

— Мне нравилось.

— Звук был ужасный.

— Зато честный.

— Ужасный звук тоже может быть честным.

Она убрала телефон.

— А здесь съёмка будет?

Я не сразу понял вопрос.

Потом увидел, что она смотрит на рюкзак.

Из бокового кармана торчала ручка штатива.

— Нет, — сказал я. — Уже не будет.

— Не подошло место?

— Скорее идея.

Она ждала продолжения.

Можно было попроситься.

Сказать, что мне нужно ехать.

Пойти к выходу.

Вместо этого я добавил:

— Хотел проверить одну вещь для возможного ролика. Но для выпуска это слишком искусственно.

— Реконструкция?

— Вроде того.

— Вы же обычно их не используете.

— Поэтому и хотел проверить отдельно.

Слова складывались легко.

Каждое было правдой.

Мы действительно не использовали реконструкции. Я действительно хотел провести отдельную проверку. И место действительно не подходило.

— А что за сцена? — спросила она.

— Ничего сложного.

Я посмотрел на дорожку.

Женщина с собакой уже скрылась за поворотом. Мужчина со стаканом стоял далеко, возле выхода.

— Короткий кадр нападения, — сказал я. — Без деталей. Нужно было понять, насколько изображение меняется, если зрителю не объяснять, что происходит до и после.

Девушка кивнула, как будто услышала вполне обычную профессиональную задачу.

— И кто должен был сниматься?

— Никто. Поэтому я и передумал.

— Я могу помочь.

Она сказала это сразу.

Без паузы, в которой можно было бы остановить разговор.

— Не стоит.

— Почему? Там что-то опасное?

— Нет. Но я не готовил нормальную съёмку. Нет договора, второго человека, ничего.

— Вы же не будете это выкладывать?

— Нет.

— Тогда мне не нужен договор.

— Дело не только в этом.

Она улыбнулась.

— Вы сейчас звучите как Лера.

— Это серьёзное обвинение.

— Она бы сказала, что всё нужно оформить.

— Она сказала бы значительно больше.

— Я всё равно могу помочь. Мне интересно посмотреть, как это снимается.

Я снова посмотрел на рюкзак.

Пять минут назад решение было принято.

Уйти.

Не проводить эксперимент.

Теперь обстоятельства изменились.

Так я сформулировал это для себя.

Не решение изменилось.

Обстоятельства.

— Это займёт несколько минут, — сказал я.

— У меня есть время.

— Сцена должна выглядеть так, будто один человек нападает на другого.

— Я поняла.

— Никакого настоящего насилия. Только положение в кадре.

— Хорошо.

— В любой момент останавливаемся.

— Хорошо.

Она ответила легко, но не бездумно. Переспросила, куда смотреть, должна ли будет падать и будет ли видно её лицо.

Это успокаивало.

Она понимала, что участвует в постановке.

Я не обманывал её.

Почти.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Марина.

Имя сразу сделало происходящее менее абстрактным.

До этого она была девушкой из парка.

Теперь — Мариной.

— Я Кирилл, — сказал я.

Она улыбнулась.

— Эту часть я знаю.

Я достал штатив.

Марина держала рюкзак, пока я раздвигал ножки. Складной механизм заедал. В студии Тимур обычно ударял ладонью по креплению и говорил, что техника уважает уверенность.

Я нажал сильнее.

Ножка встала на место.

— У вас всё оборудование такое сложное? — спросила Марина.

— Только то, которое должно быть простым.

— Я в типографии работаю, — сказала Марина. — У нас машины честнее: сразу видно, когда они сломались.

Я закрепил камеру и включил экран.

В кадре оказались дорожка, ограда и несколько деревьев. Слева проходила ветка, которая при сильном ветре могла закрыть часть изображения.

Ветра почти не было.

Я поставил Марину возле скамейки.

— Здесь?

— Чуть правее.

Она сделала шаг.

— Так?

— Ещё немного.

Я смотрел на экран, а не на неё.

Человеческая фигура сразу изменила кадр. Пустой парк превратился в место, где должно было что-то произойти.

— Что мне делать? — спросила Марина.

— Сначала просто стойте.

— Очень сложная роль.

— В нашем производстве редко начинают с главной сцены.

Я нажал запись.

Марина поправила капюшон.

— Уже снимает?

— Да.

Она посмотрела прямо в объектив.

— Не смотрите на камеру.

— Простите.

— Всё нормально. Мы просто проверяем композицию.

Я подошёл к ней.

На экране теперь были видны две фигуры. Между нами оставалось около метра.

Это выглядело не как нападение.

Скорее как разговор.

— Дальше что? — спросила она.

— Я подхожу. Вы отступаете к скамейке.

— Нужно изображать испуг?

— Необязательно.

— А как зритель поймёт?

— Он не должен понимать точно. В этом смысл.

Марина отступила.

Я пошёл следом.

Она снова посмотрела на камеру.

— Стоп, — сказал я.

Мы вернулись на исходные места.

— Я опять посмотрела?

— Да.

— Непривычно, когда никто не держит телефон.

— Через минуту перестанете замечать.

Второй дубль получился лучше.

Марина отступила, не глядя в сторону камеры. Я подошёл ближе. В конце она улыбнулась.

— Почему остановились? — спросила она.

— Вы улыбнулись.

— Нервничаю.

— Можем закончить.

— Нет. Теперь я хочу сделать нормально.

Она произнесла это с лёгким упрямством.

Как человек, который уже потратил время и не хочет уходить с плохим результатом.

Я проверил запись.

На экране всё выглядело безобидно. Даже слишком.

Двое знакомых разыгрывают короткую сцену.

Чтобы изображение изменилось, требовался другой жест.

Я знал это с самого начала.

Просто не хотел произносить.

— В последнем кадре нужно, чтобы я держал вас за шею, — сказал я. — Только обозначить. Без давления.

Марина кивнула не сразу.

Первое настоящее сомнение.

Я мог остановиться здесь.

Более того, должен был.

— Руками? — спросила она.

— Можно сделать так, чтобы в кадре казалось. На самом деле почти не касаться.

Она посмотрела на камеру.

Потом на меня.

— Вы же знаете, как безопасно?

Правильным ответом было «нет».

Я не работал с постановочными драками.

Не был каскадёром.

Не проходил обучение.

Я знал только то, что видел в кино и в материалах, которые мы отказывались использовать в выпусках.

— Мы ничего не будем делать по-настоящему, — сказал я. — Если неудобно, закончим сейчас.

Марина улыбнулась.

— Я вам доверяю.

Фраза прозвучала почти буднично.

За несколько дней до этого я говорил в камеру, что пациент приходит к врачу не для того, чтобы проверять его на возможную преступную деятельность.

Марина пришла не ко мне.

Она просто увидела человека, которого много раз смотрела на экране.

Человека, построившего канал на словах «без домыслов».

— Хорошо, — сказал я. — Один дубль.

Я показал положение.

Без подробностей.

Она должна была встать спиной к ограде. Я — закрыть часть её лица плечом, чтобы движение выглядело убедительнее, чем было на самом деле.

— Если я подниму руку, останавливаемся, — сказала Марина.

— Сразу.
— Точно?
— Конечно.
Она заняла место.
Я вернулся к камере.
Нажал запись.
На экране загорелся красный индикатор.
Я подошёл к Марине.
Она смотрела на меня, ожидая следующего движения.
В её лице не было страха.
Только внимание человека, который старается правильно выполнить просьбу.
Я поднял руки.
Первое касание получилось слишком осторожным.
Марина едва заметно улыбнулась.
— Так вообще ничего не видно, — сказала она.
— Не говорите.
— Хорошо.
Мы начали снова, не выключая запись.
На этот раз я подошёл быстрее.
Она отступила.
Ограда остановила её.
Я обозначил захват.
Через ткань куртки и поднятый капюшон почти ничего не чувствовалось.
Но Марина оказалась ближе, чем во время репетиции.
Камера находилась у меня за спиной.
Я не видел кадр.
Видел только её лицо.
В первые секунды я думал о композиции.
Моё плечо должно было закрывать часть движения.
Её голова — оставаться в светлом участке между деревьями.
Если она повернётся вправо, лицо исчезнет в тени.
Рабочие мысли.
Проверяемые.
Безопасные.
Потом Марина перестала улыбаться.
Это было правильно.
Сцена наконец выглядела убедительно.
Я почувствовал, как меняется её тело.
До этого она помогала движению, следовала за мной, держала равновесие.
Теперь ждала, когда я закончу.
Вся сцена зависела от моего решения.
Я мог убрать руки.
Сказать «стоп».
Вернуться к камере и посмотреть запись.
Вместо этого задержался ещё на секунду.
Не потому, что требовалось для кадра.
Кадр уже существовал.
Я просто хотел понять ощущение до конца.
Марина подняла руку.

Условленный сигнал.
Я увидел его.
И не остановился сразу.
Внутри возникла странная ясность.
Исчез парк.
Исчезла камера.
Не осталось выпуска, эксперимента и вопроса о контексте.
Только человек передо мной и простое знание: происходящее продолжится ровно столько, сколько решу я.
Это знание оказалось сильнее страха.
Сильнее мысли о последствиях.
Сильнее всего, что я заранее приготовил в качестве объяснения.
Марина снова подняла руку.
Теперь движение было резким.
Я подумал, что нужно прекратить.
Не прекратил.
Ещё секунда.
Потом ещё одна.
Каждая была отдельным решением.
Ни одна не казалась последней.
Где-то за спиной прошли люди.
Я услышал голоса, но не разобрал слов.
Марина перестала двигаться.
Не сразу.
Сначала движение стало слабее.
Потом исчезло.
Я отпустил её.
Она не удержалась на ногах.
Я успел поддержать её, но вес оказался неожиданно большим. Мы опустились на мокрую землю возле ограды.
— Марина.
Она не ответила.
Я произнёс имя ещё раз.
Тише, будто громкость могла что-то изменить.
Несколько секунд я ждал, что она откроет глаза, вдохнёт, возмутится, скажет, что я зашёл слишком далеко.
Ничего не произошло.
Мозг начал искать другое объяснение.
Обморок.
Паническая реакция.
Плохое самочувствие.
Совпадение.
Любое слово, кроме единственного, которое уже находилось передо мной.
Я посмотрел на её поднятую руку.
Сигнал остановиться.
Она показала его дважды.
Я видел оба раза.
На дорожке стояли двое.
Мужчина и женщина.

Они находились метрах в пятнадцати от нас. Женщина держала мужчину за рукав. Он смотрел сначала на Марину, потом на штатив.

Я замер.

Он узнал меня или просто видел камеру.

Не имело значения.

Сейчас они подойдут.

Спросят, что случилось.

Увидят, что Марина не реагирует.

Кто-то вызовет полицию.

Мысль о полиции возникла раньше мысли о помощи.

Я понял это сразу.

И ничего не смог с этим сделать.

Женщина что-то сказала мужчине.

Он покачал головой.

— Пойдём, — донёсся его голос. — Не будем мешать.

Она продолжала смотреть.

— А с ней всё нормально?

Мужчина указал на камеру.

— Видишь, съёмка. Мы им кадр испортили.

Я смотрел на них.

Наверное, выражение моего лица показалось раздражённым.

Или сосредоточенным.

Или таким, какое зритель ожидает увидеть у режиссёра после неудачного дубля.

Мужчина потянул спутницу за руку.

— Пойдём. Он уже на нас смотрит.

Они отвернулись.

Не побежали.

Не оглядывались.

Просто пошли дальше по дорожке, продолжая негромко разговаривать.

Через несколько секунд деревья скрыли их.

Я остался возле ограды.

Марина лежала рядом.

Камера продолжала снимать.

На её корпусе мигал красный индикатор.

Раньше он означал, что история начинается.

Теперь он означал, что она уже произошла.

Глава 6. Лучший дубль

Красный индикатор погас не сразу.
Я нажал кнопку один раз.
Ничего не произошло.
Нажал ещё.
Камера продолжала снимать.
На третий раз экран потемнел, и рядом со значком записи появилась надпись о сохранении файла.
Несколько секунд я смотрел на неё.
Это было обычное сообщение.
Такие появлялись после каждого дубля.
Камера записывала изображение, закрывала файл и готовилась к следующей записи. Её работа не зависела от того, что находилось перед объективом.
Я снял камеру со штатива.
Руки дрожали, поэтому крепление не поддавалось. Нужно было повернуть фиксатор в другую сторону. Я знал это. Сам устанавливал площадку меньше часа назад.
Я повернул вправо.
Потом влево.
Камера освободилась.
Я едва не уронил её.
— Марина.
Имя прозвучало тихо.
Она не ответила.
Это уже не было неожиданностью.
Я не стал произносить его снова.
Штатив сложился с первого раза.
В студии он всегда заедал.
Сейчас три ножки сошлись сразу, будто конструкция наконец поняла, чего от неё хотят.
Я положил камеру в рюкзак. Затем штатив. Закрыв молнию.
Последовательность действий получилась знакомой.
Остановить запись.
Снять камеру.
Сложить оборудование.
Проверить, ничего ли не осталось.
Последний пункт возник автоматически.
Я оглянулся.
Мокрая дорожка.
Ограда.
Скамейка.
Марина.
Я отвернулся.
В стороне снова появились люди. Пожилой мужчина шёл с небольшой собакой. Он был ещё далеко и смотрел под ноги, выбирая сухие участки асфальта.
Я надел рюкзак.
Ремень зацепился за капюшон. Пришлось снять его и надеть заново.
Движения занимали слишком много времени.
Всё происходящее занимало слишком много времени.

Я пошёл к другому выходу из парка.

Сначала быстро.

Потом медленнее.

Бегущий человек привлекает внимание. Я знал это не из уголовных дел. Любой бегущий взрослый привлекает внимание, если на нём нет спортивной одежды и рядом не закрываются двери метро.

Я заставил себя идти обычным шагом.

Не оборачиваться.

Не смотреть на прохожих.

Не проверять, идёт ли кто-нибудь следом.

Через несколько метров сделал всё сразу.

За мной никого не было.

Пожилой мужчина ещё не дошёл до поворота.

Пара, видевшая съёмку, ушла в противоположную сторону.

Они решили, что мы снимаем ролик.

Это было единственным фактом, за который можно было держаться. Свидетели видели камеру, штатив и узнаваемое лицо — готовое объяснение происходящего. Они не видели только продолжения, которое неизбежно достроили сами. Никто не ожидал настоящего убийства посреди утреннего парка.

Я вышел на улицу.

Мимо проехал автобус.

На остановке стояли семь человек. Одна женщина посмотрела на меня, потом снова на дорогу.

Она ничего не знала.

Никто из них ничего не знал.

Я поднял руку, будто собирался проверить время, и увидел, что телефона нет.

Он лежал в кармане.

Я достал его.

Экран показал одиннадцать двадцать три.

От Тимура пришло сообщение:

Штатив требует имя.

Следом фотография новой конструкции возле камеры. На одной из ножек он приклеил бумажку:

АНАТОЛИЙ

Лера ответила:

Нет.

Тимур:

Он уже отзывается.

Я смотрел на переписку, не понимая, что должен написать.

Одиннадцать двадцать три.

В десять сорок две Марина попросила сделать селфи.

Время сохранилось в сообщениях, фотографиях, камерах у входа в парк, в её телефоне, который остался рядом с ней.

Её телефон.

На нём были наши фотографии.

Моё лицо.

Время.

Место, возможно, определялось автоматически.

Мысль пришла целиком.

За ней сразу появилась другая:
я ничего не могу изменить.
Телефон находился там.
Возвращаться было невозможно.
Не потому, что это опасно.
Потому что Марина всё ещё была там.
Я убрал свой телефон.
Подожёл автобус.
Двери открылись.
Я не знал, куда он едет, но вошёл вместе с остальными.
В салоне было тепло. Стёкла запотели. Я сел у окна и поставил рюкзак на колени.
Камера находилась внутри.
Запись тоже.
Я чувствовал её присутствие через ткань, хотя карта памяти ничего не весила.
Автобус тронулся.
На следующей остановке вошла женщина с ребёнком. Мальчик сел напротив и некоторое время смотрел на меня.
Я отвернулся к окну.
За стеклом шли обычные улицы. Никто вокруг не выглядел так, будто только что убил человека — потому что у убийцы не существовало отдельной внешности. Я сам объяснял зрителям: обычная фотография не становится предупреждением лишь из-за подписи, появившейся позднее. Люди в автобусе видели только мужчину с рюкзаком.
Я вышел через четыре остановки.
На улице оказалось незнакомое место. Небольшая площадь, строительный магазин и ряд пятиэтажных домов.
Я открыл карту.
До дома было сорок минут пешком.
До студии — двадцать семь.
Я закрыл карту.
Пошёл домой.
По дороге телефон завибрировал.
Лера:
Ты закончил структуру?
Я остановился перед витриной магазина.
За стеклом стояли манекены в одинаковых серых костюмах.
Почти, — написал я.
Ответ выглядел нормальным.
Я часто говорил «почти», когда работа ещё не начиналась.
Пришли до двух, — написала она.
Я посмотрел на время.
Одиннадцать сорок восемь.
До двух оставалось больше двух часов.
Я мог написать структуру. Мысль была нелепой, но работа уже существовала: Лера ждала файл к двум, а привычная обязанность оказалась проще всего остального.
Я пришёл домой в двенадцать двадцать.
Ключ не сразу попал в замок.
Соседняя дверь открылась.
На площадку вышла женщина с пакетом мусора.
— Добрый день.

— Добрый.
Она посмотрела на рюкзак.
— На съёмку?
— Уже закончил.
Слова прозвучали раньше, чем я успел выбрать ответ.
Женщина кивнула.
— А я вас вчера по телевизору видела.
— Это был интернет.
— У меня на телевизоре.
— Тогда считается.
Она улыбнулась и пошла к лифту.
Я вошёл в квартиру.
Закрыв дверь.
Повернул замок.
Проверил его.
Потом ещё раз.
Рюкзак поставил на пол в прихожей.
Несколько секунд стоял рядом, не снимая куртки.
Камеру нужно было достать.
Проверить, не повредилась ли она.
Обычная техническая необходимость.
Я снял куртку.
Прошёл на кухню.
Налил воду.
Стакан стукнул о край раковины. Часть воды пролилась на стол.
Я вытер её полотенцем.
Потом заметил на полотенце серое пятно.
Грязь с ограды.
Или со штатива.
Или с земли.
Я бросил полотенце в раковину.
Руки выглядели обычными.
Я долго мыл их.
Не потому, что на них что-то было видно.
Просто продолжал, пока вода не стала слишком горячей.
Телефон снова завибрировал.
Тимур:
Анатолий упал.
Фотография штатива на полу.
Лера:
Потому что ты поставил его на кабель.
Тимур:
Не обвиняй жертву.
Я выключил экран.
Слово осталось в голове.
Жертва.
До этого существовала Марина.
Теперь мозг начал заменять имя определением.
Так было проще.

В материалах дела люди часто сначала становились фамилиями, потом эпизодами, затем числами. Мы боролись с этим. Возвращали имена. Убирали музыку. Не ставили даты смерти рядом с портретами, если это превращало человека в часть графики.

Марина.

Я произнёс имя вслух.

Квартира не ответила.

Рюкзак стоял в прихожей.

Я подошёл к нему.

Достал камеру.

Положил на стол.

Экран включился после второго нажатия.

В углу появилась миниатюра последнего файла.

Я не открыл её.

Перешёл в меню.

Потом вышел.

Экран снова показал миниатюру.

В маленьком прямоугольнике были видны ограда и часть моей спины. Марину почти полностью закрывало плечо.

Это мог быть любой кадр.

Я выключил камеру.

Вынул аккумулятор.

Положил рядом.

Карту памяти не тронул.

Нельзя было смотреть запись.

Если я открою её, то снова окажусь там.

Если не открою, всё равно буду знать, что находится внутри.

Телефон показывал двенадцать пятьдесят шесть.

Я открыл ноутбук.

Файл с тремя абзацами появился автоматически.

Первый:

Подтверждённые эпизоды.

Второй:

Хронология перемещений.

Третий оставался пустым.

Я поставил курсор.

Несколько минут ничего не писал.

Потом начал:

«После задержания Киз располагал тем, чего не было у следователей: полной информацией о собственных действиях. Это не делало каждое его утверждение достоверным. Напротив, зависимость расследования от его слов позволяла ему выбирать, какие части картины подтвердить, а какие оставить неопределёнными».

Я остановился.

Предложение было точным.

Слишком точным.

Я продолжил:

«Контроль над информацией оставался для него формой контроля над людьми, находившимися по другую сторону стола. Следователи могли задавать вопросы, возвращаться к хронологии и проверять отдельные сведения. Но границу разговора каждый раз определял человек, который знал ответ заранее».

Я перечитал абзац.
Вчера я не мог его написать.
Сегодня слова появились сразу.
Я знал, что значит находиться по другую сторону общей картины.
Пара в парке видела сцену.
Женщина с собакой могла увидеть Марину позже.
Полиция увидит тело.
Камеры наблюдения — мой вход и выход.
Телефон Марины — наши фотографии.
Каждый получит часть.
Только я знал последовательность целиком.
В этом не было преимущества.
Я сказал себе это несколько раз.
Не было.
Всё равно внутри возникло то же ощущение ясности, которое появилось в парке.
Слабое.
Почти незаметное.
Но знакомое.
Я закрыл документ.
Открыл снова.
Исправил последнее предложение:
«Он не обязательно отказывался говорить. Иногда он сообщал достаточно правдивых деталей, чтобы собеседнику казалось, будто картина расширяется, хотя её границы по-прежнему устанавливал он».
Отправил файл Лере в час семнадцать.
Она ответила через три минуты:
Вот теперь есть структура.
Я смотрел на сообщение.
Раньше такие слова вызвали бы удовлетворение.
Сейчас тоже вызвали.
Именно это оказалось хуже всего.

Вечером я не включал новости.
Телевизора у меня не было, но новости существовали в телефоне, ноутбуке, планшете и на экране в лифте. Чтобы ничего не увидеть, требовалось больше усилий, чем для обычного просмотра.
Я отключил уведомления.
Положил телефон экраном вниз.
Через две минуты перевернул.
Новых сообщений не было.
В общем чате Тимур прислал видео, где новый штатив медленно опускал камеру под весом объектива.
Подпись:
Анатолий устал.
Лера:
Затяни фиксатор.
Тимур:
Ему нужен отдых, а не давление.

Я написал:

Подтянуть справа.

Тимур ответил:

Ты наконец признал его существование.

Я не сразу понял, о чём он.

Потом вспомнил имя штатива.

Я признал проблему.

С Анатолием всегда так начинают.

Разговор продолжался.

Я отвечал.

Всё выглядело нормально.

Около девяти Лера позвонила.

Я смотрел на её имя, пока звонок почти не закончился.

Потом принял.

— Ты занят?

— Нет.

Голос прозвучал ровно.

— Тогда почему так долго отвечал?

— Телефон лежал в другой комнате.

Он лежал передо мной.

Ложь оказалась маленькой и ненужной.

Именно поэтому испугала сильнее.

— Завтра снимаем вводную часть, — сказала Лера. — Я поправила структуру.

— Пришли.

— Уже.

На ноутбуке появилось уведомление.

— Видишь?

— Да.

— Ты какой-то тихий.

— Устал.

— Гулял утром?

Я посмотрел на камеру.

Она лежала на столе без аккумулятора.

— Немного.

— Помогло?

— Смотря чему.

Лера замолчала.

— Что-то случилось?

Вопрос был простым.

Я мог сказать «да».

Одно слово.

После него пришлось бы отвечать на другие вопросы, но первое слово оставалось простым.

— Нет, — сказал я. — Просто плохо спал.

— Четыре с половиной часа?

— Сегодня больше.

— Тогда это прогресс.

— Не во всём.

— Что?

— Говорю, завтра буду вовремя.

— Я этого не спрашивала.

— Но информация полезная.

Она не ответила сразу.

— Кирилл.

— Да?

— Точно всё нормально?

— Точно.

Вторая ложь прозвучала увереннее первой.

— Хорошо, — сказала Лера. — До завтра.

— До завтра.

Звонок закончился.

Я сидел в тишине.

Потом открыл присланный сценарий.

Лера оставила комментарии на полях.

Нужен переход от установленных фактов к версии самого Киза.

Здесь не делать вывод по реакции на вопрос.

Объяснить, почему признание не равно доказательству.

Обычная работа.

Я начал редактировать.

К полуночи вводная часть была готова.

Ни одного пустого места.

Ни одной пометки «разобраться».

Я перечитал текст и нашёл только два повтора.

Удалил оба.

Файл назывался:

KEYES_INTRO_FINAL.docx

Слово «финал» впервые не было ложью.

На следующее утро я приехал в студию в восемь тридцать.

Олег Петрович ещё пил чай.

Увидев меня, он посмотрел на часы.

— Рано.

— Решил изменить жизнь.

— Молодой человек вчера тоже решил.

Он указал на дверь соседнего помещения.

За ней сразу включилась дрель.

— Не получилось, — сказал Олег Петрович.

Я поднялся на второй этаж.

Студия была закрыта.

Открыл своим ключом.

Внутри пахло пылью, кофе и нагретой техникой. Знакомый запах.

Я включил свет над рабочим столом.

Потом основной.

Серый фон.

Камеры.

Провода.

Два стула.

Всё на месте.
Здесь ничего не происходило без команды.
Камера начинала запись только после нажатия кнопки.
Люди занимали отмеченные позиции.
Если кто-то говорил «стоп», Тимур выключал звук и изображение.
Я положил ноутбук на стол.
Папка с Кизом открылась на последней странице.
Рядом стояла сумка с камерой из парка.
Я принёс её с собой, потому что не хотел оставлять дома.
Это объяснение появилось утром и казалось достаточным, пока я не вошёл в студию.
Теперь сумка выглядела чужой.
Я отнёс её во вторую комнату и поставил под стол.
Не спрятал.
Просто убрал с прохода.
В восемь пятьдесят вошла Лера.
Она остановилась в дверях.
— Ты действительно здесь.
— Предупреждал.
— Я решила, что это фигура речи.
— Иногда я выполняю обещания.
Она сняла пальто и положила на стол папку.
— Ты написал весь текст.
— Да.
— Ночью.
— Вечером.
— Последняя правка была в два двадцать семь.
— Вечер затянулся.
Она открыла документ.
— Я прочитала начало в такси.
— И?
— Хорошо.
Я ждал продолжения.
Обычно после слова «хорошо» шло «но».
Лера перелистнула страницу.
— Очень хорошо.
— Это всё?
— Тебе мало?
— Я пытаюсь понять масштаб чрезвычайной ситуации.
Она посмотрела на меня.
— Ты не оставил ни одного красивого предложения, которое придётся удалять.
— Я развиваюсь.
— И ни разу не написал «здесь нужно нормально объяснить».
— Это мог сделать кто-то другой под моей учётной записью.
— Этот человек ещё и проверил даты.
— Нужно срочно сменить пароль.
Лера улыбнулась, но продолжала смотреть внимательно.
— Ты сегодня другой.
Руки похолодели.
— В каком смысле?

— Собранный.

— Это плохо?

— Пока не знаю.

Дверь открылась.

Тимур вошёл, держа стакан кофе и длинный металлический рычаг.

— Доброе утро.

Лера посмотрела на рычаг.

— Что это?

— Ручка от Анатолия.

— Почему она у тебя отдельно?

— У них сложные отношения.

Тимур увидел меня.

— Ты уже здесь?

— Да.

— Всё нормально?

Второй человек задавал тот же вопрос за последние сутки.

— Почему все спрашивают?

— Ты приехал раньше меня.

— Это преступление?

Слово прозвучало спокойно.

Никто не отреагировал.

Тимур положил рычаг на стол.

— Пока административное нарушение.

Он прошёл к камере.

— Текст готов?

— Полностью.

Тимур остановился.

— Лера, проверь документы. Возможно, это не Кирилл.

— Я уже проверяю.

— Спросите что-нибудь личное.

— Как звали его второго носка? — предложила Лера.

— У него не было имени.

— Похож.

Тимур подключил монитор.

Обычный разговор продолжился.

Я отвечал вовремя.

Даже улыбался.

Каждая реплика требовала небольшого решения, но со стороны этого не было видно.

В десять мы начали разбирать текст.

Первая часть касалась трёх установленных жертв и границ подтверждённого. Лера предложила переставить два абзаца. Я согласился.

Она посмотрела на меня с подозрением.

— Ты даже не будешь спорить?

— Новый порядок лучше.

— Я знаю. Но обычно тебе нужно пять минут, чтобы прийти к этому выводу.

— Экономлю рабочее время.

— Для чего?

— Для работы.

Тимур выглянул из-за камеры.

— Это точно не он.

Мы продолжили.

На следующей странице стоял абзац о допросах:

«Киз не просто отвечал на вопросы или отказывался от ответа. Он постоянно определял условия, при которых готов говорить. Для следователей информация была способом установить судьбу других людей. Для него она оставалась последним ресурсом, которым он мог распоряжаться».

— «Последним ресурсом» слишком экономически, — сказала Лера.

— Согласен.

Я удалил слова.

Раньше начал бы защищать метафору. Объяснял бы, что информация действительно обладала ценностью, что обмен был частью переговоров, что зрителю нужен понятный образ.

Теперь метафора казалась неточной.

Не ресурс.

Власть.

Я написал:

«После ареста он больше не контролировал собственное положение. Но продолжал контролировать границы общей картины».

Лера прочитала.

— Вот это оставляем.

Я знал, что оставим, ещё до того, как написал.

Тимур подошёл ближе.

— Что изменилось?

— Формулировка.

— Я вижу. Что изменилось у тебя?

— Ничего.

— Вчера ты двадцать минут спорил из-за слова «система».

— Сегодня другое слово.

— Значит, проблема была в системе.

Лера закрыла комментарий.

— Не мешай ему. У нас впервые текст становится короче без угроз.

— Я не мешаю. Я наблюдаю редкое природное явление.

К полудню сценарий был готов.

Записывать решили сразу.

Я сел за стол.

Тимур поправил свет.

Одна лампа оказалась немного выше обычного. Тень от носа уходила вправо.

— Опустит, — сказал я.

Он посмотрел на монитор.

— На сколько?

— Сантиметров на семь.

— Почему семь?

— На пяти тень останется. На десяти будет видно стену.

Тимур опустил стойку.

Изображение стало ровнее.

— Семь, — сказал он.

— Я вижу.

— Ты никогда этого не замечал.

— Замечал.

— Раньше ты говорил: «Сделай лицо менее уставшим».

— Это тоже техническое задание.

Лера села сбоку от камеры.

Перед ней лежал сценарий, но она почти не смотрела на страницы.

Тимур включил запись.

Красный индикатор загорелся.

На секунду студия исчезла.

Я увидел мокрую дорожку.

Марину возле ограды.

Её поднятую руку.

— Кирилл? — сказал Тимур.

Я моргнул.

— Что?

— Мы пишем.

Красный свет находился прямо передо мной.

Такой же цвет.

Другая камера.

Другой день.

— Начинаем заново? — спросила Лера.

— Нет.

Я посмотрел в объектив.

— После ареста Израэль Киз начал рассказывать следователям о преступлениях, о которых они раньше не знали. Но сам факт признания ещё не превращал каждую подробность в установленный факт.

Голос не дрогнул.

— Следователям приходилось проверять его слова по документам, маршрутам, финансовым операциям и материалам незакрытых дел. Часть сведений получила независимое подтверждение. Другие утверждения так и остались зависимыми от человека, заинтересованного в том, чтобы самому определять границы разговора.

Я перевёл взгляд на следующий абзац.

Слова на экране стали ненужными.

Я знал продолжение.

— В этом состояла одна из главных сложностей допросов. Киз мог сообщать правдивые детали и одновременно управлять общей картиной. Он не обязательно лгал в каждом ответе. Иногда достаточно выбрать, на какой вопрос ответить, какой факт оставить при себе и в какой момент заставить собеседника принять неполную версию за максимально возможную.

Лера не двигалась.

Тимур стоял за камерой.

Я продолжил:

— Со стороны такой разговор может выглядеть как постепенное сотрудничество. Следователи получают новые имена, даты и места. Количество информации увеличивается. Но количество информации и степень контроля — не одно и то же.

Я сделал паузу.

В сценарии дальше стоял пример одного из допросов.

Я его пропустил.

— Настоящий контроль принадлежит не тому, кто задаёт больше вопросов. Он принадлежит тому, кто знает, где заканчивается правда собеседника.

Тишина.

Красный индикатор продолжал гореть.

В студии стало слишком тепло.

— И пока только один человек видит всю последовательность, остальные вынуждены строить версии из отдельных частей. Иногда они ошибаются не потому, что ничего не заметили. Они ошибаются потому, что найденное объяснение выглядит достаточно разумным, чтобы перестать искать другое.

Я увидел мужчину в парке.

Его руку на локте спутницы.

«Видишь, съёмка».

Он получил несколько частей.

Камеру.

Известное лицо.

Двух людей возле ограды.

Из них собрал историю.

Разумную.

Неправильную.

— Поэтому опаснее всего не полное отсутствие информации, — сказал я. — Опаснее ситуация, в которой человеку дают достаточно правды, чтобы он перестал замечать, чего именно ему не хватает.

Я замолчал.

Тимур не выключил камеру.

Несколько секунд никто не говорил.

— Стоп, — сказала Лера.

Красный свет погас.

Я опустил глаза на листы.

Руки лежали спокойно.

— Что не так? — спросил я.

Лера продолжала смотреть на меня.

— Ничего.

— Ты остановила.

— Потому что закончилось.

— Там ещё два абзаца.

— Они не нужны.

Я посмотрел в сценарий.

Два абзаца объясняли ту же мысль через фрагменты допросов.

Лера была права.

— Хорошо, — сказал я.

Тимур снял наушники.

— Это было с первого дубля.

— Значит, сэкономили время.

Он не ответил.

— Что? — спросил я.

— Ты сегодня не рассказываешь.

Лера повернулась к нему.

— В каком смысле?

Тимур искал слова.

— Обычно он объясняет. Даже когда текст хороший, видно, что он строит фразу и ведёт зрителя к выводу. А сейчас...

— Что сейчас?

Он посмотрел на меня.

— Сейчас ты как будто вспоминал.
Внутри что-то сжалось.
Я усмехнулся.
— Дело происходило в США. Я там не был.
— Я знаю.
— Тогда сравнение не имеет смысла.
— Я не сказал, что имеет.
Тимур вернулся к камере и проверил файл.
На мониторе появился мой стоп-кадр.
Прямой взгляд.
Ровный свет.
Никакой лишней жестикуляции.
Я выглядел спокойнее, чем когда-либо.
— Технически всё хорошо, — сказал он.
Лера взяла сценарий.
— Запишем ещё один для безопасности.
— Зачем? — спросил Тимур. — Этот чистый.
— Всегда пишем второй.
Раньше я бы поддержал Тимура.
Первый дубль получился точным. Повторение могло только ослабить его.
Но сама мысль о втором дубле успокаивала.
Второй дубль означал, что первый не был единственным.
Что любую запись можно заменить.
— Пишем, — сказал я.
Мы начали снова.
На этот раз я читал по тексту.
Не добавлял ничего от себя.
Дубль был правильным.
Чистым.
Профессиональным.
И заметно хуже.
После записи Тимур поставил оба фрагмента рядом.
В первом я почти не двигался. Паузы появлялись раньше, чем требовала пунктуация, но именно поэтому слова звучали естественно.
Во втором всё было аккуратно.
Слишком аккуратно.
— Первый, — сказала Лера.
— Первый, — согласился Тимур.
Они посмотрели на меня.
— Первый, — сказал я.
Тимур перенёс файл на монтажную шкалу.
— Это твой лучший дубль за всё время.
Он произнёс это без шутки.
Я ждал, что Лера возразит.
Она прослушала последние двадцать секунд ещё раз.
— Да, — сказала она. — Наверное, лучший.
На экране я говорил:
«Человеку дают достаточно правды, чтобы он перестал замечать, чего именно ему не хватает».

Тимур остановил запись.
В комнате снова стало тихо.
— Нужно будет немного поднять звук, — сказал он. — Ты в конце говоришь тише.
— Не слишком?
— Нет. Так даже лучше.
Лера закрыла сценарий.
— Наконец ты перестал смотреть на него только как журналист.
Я поднял голову.
— На Киза?
— На весь разговор. Раньше ты анализировал ответы. Сейчас показал, что происходило между людьми.
Она собирала бумаги и не видела моего лица.
— Это комплимент? — спросил я.
— Да.
— Тогда запишем дату.
Обычная фраза.
Я произнёс её правильно.
Тимур улыбнулся.
Лера покачала головой.
Никто ничего не заметил.
Или заметили именно то, что могли объяснить.
Я встал.
— Пойду умоюсь.
— Только недолго, — сказала Лера. — Нужно записать переход.
В коридоре никого не было.
Я вошёл в туалет и закрыл дверь.
Зеркало над раковиной было слишком маленьким. В нём помещались лицо, воротник рубашки и часть белой стены.
Я открыл воду.
Посмотрел на себя.
Никаких изменений.
Те же глаза.
То же лицо, которое четыре года появлялось на обложках выпусков.
Только выражение стало спокойнее.
Тимур сказал: лучший дубль.
Лера согласилась.
Я попытался вспомнить точный момент, когда понял, что могу не останавливаться.
Воспоминание пришло сразу.
Вместе с ним — фраза из записи.
«Количество информации и степень контроля — не одно и то же».
Формулировка была хорошей.
Но её можно было сделать точнее.
Не количество информации.
Количество правды.
Я выключил воду.
Вернулся в студию.
На экране всё ещё стоял мой кадр.
— Готов? — спросил Тимур.
Я сел за стол.

— Да.

Лера открыла сценарий на следующей странице.

Тимур включил камеру.

Загорелся красный индикатор.

На этот раз я не увидел парк.

Только объектив.

И прежде чем начать, подумал, что завтра нужно исправить одну строку.

Глава 7. Ложный рисунок

До миллиона оставалось тридцать восемь тысяч человек.

Тимур вывел счётчик на большой экран, хотя никто его об этом не просил.

Белые цифры стояли посреди чёрного фона:

962 014

Под ними находилась надпись:

ОСТАЛОСЬ 37 986

— Зачем вторая строка? — спросила Лера.

— Для мотивации.

— Первая уже содержит всю информацию.

— Первая показывает настоящее. Вторая — будущее.

— Она показывает вычитание.

— Будущее часто начинается с вычитания.

Тимур развернулся в кресле и посмотрел на нас, ожидая поддержки.

Я промолчал.

Лера закрыла таблицу с комментариями.

— Убери.

— Почему?

— Потому что Кирилл будет смотреть на неё вместо сценария.

— Я умею делать несколько вещей одновременно.

Они оба посмотрели на меня.

— В пределах разумного, — добавил я.

Тимур уменьшил счётчик и перенёс его в правый верхний угол. Теперь цифры занимали примерно четверть экрана.

— Так лучше?

— Нет, — сказала Лера.

— Но меньше.

— Убери полностью.

Он открыл монтажную программу поверх счётчика.

— Его не видно.

— Он всё ещё там.

Выпуск о Кизе вышел накануне вечером.

Обычно мы публиковали ролики утром, чтобы успеть отследить первые ошибки. В этот раз платформа задержала проверку почти на шесть часов, и ролик появился в двадцать два семнадцать.

К полуночи его посмотрели сто восемьдесят тысяч человек.

К утру — больше шестисот тысяч.

Счётчик подписчиков двигался быстрее, чем после любого предыдущего выпуска.

— Девятьсот шестьдесят две, — сказал Тимур.

— Мы видим, — ответила Лера.

— Уже пятнадцать.

Цифра изменилась.

962 015

— Человек подписался, пока ты говорил, — заметил я.

— Значит, мой вклад измерим.

— Возможно, он просто не слышал.

Тимур открыл аналитику. График просмотров поднимался почти вертикально, а удержание оказалось выше обычного. Короткий подъём возникал на том самом фрагменте — о том, что человеку можно дать достаточно правды, чтобы он перестал замечать недостающее.

— Люди пересматривают, — сказал Тимур.

— Или возвращаются, потому что не поняли, — ответила Лера. — Зато это проверяемая версия.

Он открыл комментарии под временной отметкой.

Первый набрал больше двух тысяч отметок:

«Последние пять минут — лучшее, что было на этом канале».

Ниже:

«Ветров в этот раз говорит так, будто сидел на допросах лично».

«Никогда не замечал, что правдивые ответы тоже могут быть способом лгать».

«Это уже не пересказ дела. Наконец появилось настоящее понимание психологии».

Я прокрутил страницу. Комментариев было слишком много: от споров о количестве жертв до человека, считавшего Аляску декорацией и приводившего в доказательство фотографии облаков.

Лера забрала у меня мышь и закрыла комментарии.

— Нам нужно выбрать следующую тему.

— Уже?

— Мы обсуждали это вчера.

— Вчера выпуск ещё не вышел.

— Поэтому сегодня тема не появилась из воздуха.

Тимур оставил аналитику открытой на втором мониторе.

— Я голосую за дело, где не нужно произносить американские названия.

— Ты их не произносишь, — сказал я.

— Я слушаю, как произносишь ты. Это тоже нагрузка.

Лера открыла таблицу предложений.

За ночь зрители прислали больше трёхсот писем. После успешных выпусков происходило одно и то же: люди решали, что теперь мы обязаны продолжить ровно ту тему, которая интересовала лично их.

В списке были исчезновения, судебные ошибки, нераскрытые убийства, мошенничества и несколько историй, не имевших отношения к преступлениям.

Кто-то предложил расследовать исчезновение качества современных холодильников.

Тимур поставил письму звезду.

— Это личное, — пояснил он.

Лера отфильтровала повторяющиеся темы.

— После Киза нам нельзя снова брать американского серийного убийцу.

— Согласен, — сказал я.

Она подняла взгляд.

— Сразу?

— Мы только что выпустили почти час допросов, перелётов и карт Соединённых Штатов.

Если следующее дело снова начнётся с карты, зрители решат, что мы сменили специализацию.

— Тогда российское.

— Какое?

Лера открыла отдельную вкладку.

— Евгений Чуплинский.

На экране появилась фотография мужчины в зале суда.

Обычное лицо.

За предыдущую неделю я слишком часто думал эту фразу.

— Бывший милиционер из Новосибирска, — продолжила Лера. — Присяжные признали его виновным в убийстве девятнадцати женщин. Преступления относились к периоду с конца девяностых до середины двухтысячных. Задержали его только в 2016 году.

Тимур посмотрел на фотографию.

— Я про него не слышал.

— Поэтому и рассматриваем, — сказала Лера.

— А материалов достаточно?

— Судебные публикации, сообщения следствия, интервью участников расследования, региональная пресса. Но процесс был закрытым, поэтому полного массива дела в открытом доступе нет.

— Значит, осторожнее с деталями, — сказал я.

— Именно.

Лера прокрутила страницу.

— На причастность проверяли тысячи людей. Допрашивали тысячи свидетелей. Проводили сотни экспертиз. Несколько эпизодов долго существовали отдельно, потом их объединили.

— Как задержали?

— В итоге сработала совокупность доказательств, в том числе генетические исследования сохранённых материалов. Но здесь нужно проверять каждую формулировку. Пересказы очень любят превращать годы работы в одну лабораторную кнопку.

— Бывший милиционер, генетика, девятнадцать жертв, — перечислил Тимур. — Заголовок уже написал себя.

— Поэтому мы не будем использовать тот заголовок, который он написал, — сказала Лера.

Она открыла список публикаций.

Почти в каждой фамилия Чуплинского стояла рядом с чужой.

«Новосибирский Чикатило».

«Сибирский Чикатило».

«Маньяк в погонах».

— Первые два убираем сразу, — сказал я.

— Я уже убрала.

— Третий тоже.

— Очевидно.

Тимур прочитал один из заголовков.

— «Ритуальный убийца».

Лера остановила прокрутку.

— Вот с этим сложнее.

— Почему? — спросил я.

— Потому что эта версия действительно появлялась вокруг дела. В публикациях описывали детали, которые воспринимались как признаки ритуала. Но установить, какие сведения происходят из материалов следствия, какие — из суда, а какие годами переписывались журналистами, будет трудно.

— Значит, делаем не про ритуальный мотив.

— А про что?

Я снова посмотрел на фотографию.

Киз управлял картиной после ареста.

Здесь картина возникла раньше, чем установили человека.

Отдельные места.

Отдельные погибшие.

Повторяющиеся детали.

Образ, который начал объяснять происходящее до того, как объяснение было доказано.

— Про версию, — сказал я.

Лера ждала продолжения.

— Не про то, был ли там ритуал. Про то, как несколько деталей создают готовую историю и как потом проверить, действительно ли эта история принадлежала преступнику.

Тимур нахмурился.

— Детали принадлежали ему.

— Физически — возможно. Смысл им приписывали другие.

— Если человек намеренно что-то оставил, у этого был смысл.

— Было намерение. Не обязательно тот смысл, который увидели журналисты.

Лера взяла карандаш.

— Продолжай.

Я подошёл к доске.

После выпуска о Шипмане на ней осталась слабая тень от слова «ПРОВЕРКА». Тимур пытался стереть маркер средством для окон, но только сделал надпись почти невидимой.

Я написал:

МЕСТО

Ниже:

ДЕТАЛЬ

Потом:

ВЕРСИЯ

— Первые два существуют независимо от наблюдателя, — сказал я. — Третье появляется, когда человек пытается связать их между собой.

— Не совсем, — возразила Лера. — Что считать деталью, тоже решает наблюдатель.

Я посмотрел на доску.

— Верно.

Зачеркнул первое слово.

Вместо него написал:

ОБНАРУЖЕННОЕ

— Уже лучше, — сказала она.

— Нужно показать, что место преступления не рассказывает историю само.

— Оно содержит информацию.

— Но последовательность создаёт тот, кто её изучает.

Тимур указал на доску.

— А преступник?

— Он может рассчитывать на определённую интерпретацию.

— То есть оставляет подсказки?

— Или шум.

Я произнёс последнее слово и остановился.

Шумом могла быть лишняя деталь.

Неправильное объяснение.

Камера на штативе.

Известное лицо.

Два человека, которые смотрят на неподвижную девушку и видят съёмку.

Лера что-то записала.

— Рабочее название?

— «Ложный рисунок».

— Почему ложный?
— Потому что рисунок появляется раньше доказательства, что линии действительно связаны.

— Это относится не только к делу Чуплинского.
— Поэтому подходит.
Она написала название в верхней строке таблицы.

Тимур поднял руку.

— У меня вопрос.

— Нет, мы не назовём выпуск «Новосибирский маньяк, о котором вы не слышали», — сказала Лера.

— Это был не мой вопрос.

— Но ты собирался предложить.

— Я собирался спросить про обед.

— Тогда ответ тоже нет.

На втором мониторе счётчик обновился.

962 431

За время разговора добавилось больше четырёхсот человек.

Я видел число боковым зрением.

Не смотрел прямо.

— Нам нужен план, — сказала Лера. — Судебную часть отдельно. Первый пожизненный приговор отменили, но вердикт присяжных о виновности остался в силе. Потом наказание назначили снова, и окончательный приговор вступил в силу.

— Обязательно объяснить причину отмены, — сказал я. — Иначе зритель услышит только «приговор отменили».

— Да.

— Не использовать слово «оправдали» даже в опровержении. Оно останется сильнее опровержения.

Лера кивнула.

— Введение — граница доказанного. Затем хронология расследования. Потом версии, возникавшие вокруг повторяющихся деталей. В конце — суд.

— Начать нужно не с него, — сказал я.

— С чего?

— С рисунка, который уже существует до имени.

Я представил начало.

Не лицо Чуплинского.

Не число.

Пустая доска.

На ней по очереди появляются точки.

Каждая означает отдельный эпизод.

Потом кто-то соединяет их линией.

Изображение кажется очевидным только после того, как линия проведена.

— Можно начать с того, что несколько преступлений долго не воспринимались как одна история, — сказал я. — Потом их объединили, и прошлое изменилось. Те же детали стали выглядеть иначе.

— Прошное не изменилось, — сказала Лера.

— Его прочтение.

— Тогда так и скажи.

Я записал:

СОБЫТИЯ НЕ МЕНЯЮТСЯ. МЕНЯЕТСЯ РИСУНОК, КОТОРЫЙ ИЗ НИХ СОБИРАЮТ.

Фраза выглядела слишком законченной.

Лера прочитала.

— Оставь пока.

Раньше слова «пока» означали, что предложение не переживёт следующий час.

Теперь я уже знал, почему оно не работает.

Слишком красиво.

И слишком удобно.

События не превращались в рисунок сами. Их превращал человек.

Я стёр вторую часть.

Оставил:

СОБЫТИЯ НЕ МЕНЯЮТСЯ.

Под ней написал:

МЕНЯЕТСЯ ОБЪЯСНЕНИЕ.

— Лучше, — сказала Лера.

Тимур вернулся к аналитику.

— Девятьсот шестьдесят три.

— Ты округлил на шестьсот человек, — заметил я.

— Я мыслю будущим.

На экране было:

962 447

Лера закрыла окно.

— До миллиона ещё далеко.

— Тридцать семь с половиной тысяч, — сказал Тимур.

— Для канала нашего размера это не далеко.

— Тогда почему говоришь, что далеко?

— Чтобы вы оба работали.

— Я работаю, — сказал я.

Это было правдой.

К полудню я собрал основную хронологию.

Первые эпизоды относились к 1998 году. Последние — к середине двухтысячных. Удалось установить личности не всех погибших. В разные годы следствие проверило огромное количество людей, возвращалось к материалам, назначало новые исследования.

Имя Чуплинского появлялось в публикациях рядом со словами «бывший милиционер», будто профессия автоматически объясняла всё остальное.

Не объясняла.

Она могла давать знания о работе правоохранительных органов.

Могла влиять на доверие.

Могла быть важной частью биографии.

Носама по себе не доказывала ни способа действий, ни причины, по которой его не задержали раньше.

Я написал абзац.

Удалил.

Написал снова:

«Служба в милиции неизбежно стала одной из главных частей медийного образа Чуплинского. Но профессиональный статус легко превратить в универсальное объяснение. Если расследование длилось долго, значит, он использовал служебные знания. Если ему доверяли, значит, помогала форма. Если его не задерживали, значит, он понимал действия следствия.

Каждое из этих предположений может оказаться верным в отдельной части. Но ни одно нельзя принимать только потому, что оно делает историю цельнее».

Я перечитал текст.

Он был правильным.

Ровным.

Достаточным.

И пустым.

Вчера я бы произнёс его в камеру без единой правки.

Сегодня видел, как построены предложения.

Первое вводило образ.

Второе расширяло сомнение.

Третье давало три примера.

Последнее возвращало к основной мысли.

Техника работала.

Понимания не было.

Я добавил:

«Убедительное объяснение отличается от доказанного не качеством звучания».

Фраза была лучше.

Но всё равно чужая.

Я закрыл документ.

В соседней комнате Тимур смеялся над чем-то в телефоне. Лера разговаривала с юристом, уточняя формулировку судебного решения.

Обычный рабочий день.

Я открыл аналитику выпуска о Кизе.

963 102

График продолжал расти.

Лучший фрагмент уже выложили отдельно несколько крупных каналов. В одном коротком видео оставили только мои последние слова. Без начала. Без объяснения дела. Без фамилии Киза.

На экране было моё лицо и субтитры:

ОПАСНЕЕ ВСЕГО СИТУАЦИЯ, В КОТОРОЙ ЧЕЛОВЕКУ ДАЮТ ДОСТАТОЧНО ПРАВДЫ.

Видео посмотрели больше миллиона раз.

Отдельный фрагмент оказался популярнее некоторых наших полных выпусков.

Я включил звук.

Собственный голос показался незнакомым.

Не из-за тембра.

Из-за уверенности.

Человек на экране не искал формулировку.

Он знал.

Я остановил видео.

Вернулся к Чуплинскому.

Абзац по-прежнему лежал передо мной.

В нём не было ошибок.

Только отсутствовало то, что зрители называли пониманием.

Я попытался представить места, которые годами существовали в разных материалах следствия.

Представить человека, намеренно оставляющего детали.

Следователя, который решает, связаны ли они.

Журналиста, который через много лет выбирает слово «ритуальный», потому что оно помещается в заголовок.

Ничего.

Только схема.

Место.

Деталь.

Версия.

Я написал ещё одну страницу.

Лера вернулась через двадцать минут.

— Покажи.

Я развернул ноутбук.

Она прочитала молча.

На втором абзаце сделала пометку.

На четвёртом зачеркнула предложение.

В конце вернулась к началу.

— Нормально.

Это слово она использовала редко.

Оно было хуже, чем «плохо».

Плохой текст можно было исправить.

Нормальный уже выполнял задачу и не давал ясной причины переписывать его целиком.

— Что именно нормально? — спросил я.

— Структура понятна. Факты разделены. Формулировки осторожные.

— Но?

— Ты ждёшь «но»?

— Оно есть.

Лера снова посмотрела на страницу.

— Пока это похоже на текст человека, который знает, каким должен быть наш выпуск.

— А предыдущий был похож на что?

— На текст человека, который знает, о чём выпуск.

Я откинулся на спинку кресла.

— Очень полезное различие.

— Ты спросил.

— Я не спорю.

— Вот это тоже странно.

Она села напротив.

— Ты торопишься?

— Нет.

— Тогда почему пишешь так, будто хочешь быстрее закончить?

Я посмотрел на счётчик.

Он был закрыт монтажной программой, но я знал, где находится.

— Мы только начали.

— Я знаю.

— Значит, не тороплюсь закончить.

— Логически верно.

— А практически?

— Практически ты уже написал вывод до того, как разобрал материалы.

Я пролистнул документ.

Последний абзац действительно почти дословно повторял идею с доски.

Объяснение может быть создано наблюдателем.

Часть деталей превращается в готовый рисунок.

Следствие должно проверять не только версию, но и основание, по которому она появилась.

Всё было верно.

Слишком рано.

— Удалю финал, — сказал я.

— Не обязательно удалять. Просто не считай его финалом.

— Это одно и то же.

— Нет. Иногда хороший предварительный вывод показывает, какие вопросы ты ещё не задал.

Она встала.

— Пообедай.

— Я не голоден.

— Ты не ел с утра.

— Откуда знаешь?

— Твои сырники всё ещё являются частью истории канала.

Она ушла во вторую комнату.

Я закрыл документ.

Телефон лежал рядом.

Новости я не открывал со вчерашнего дня.

Уведомления оставались выключенными.

Но поисковая строка помнила последние запросы.

Парк.

Название улицы.

«Найдена девушка».

Я убрал телефон в ящик.

Через минуту достал снова.

Открыл браузер.

На первой странице регионального сайта была фотография полицейской машины возле ограды.

Той самой.

Заголовок сообщал, что утром в городском парке обнаружили погибшую молодую женщину. Личность установлена. Полиция просит откликнуться людей, находившихся в районе спортивного поля с десяти до двенадцати часов.

Текст занимал четыре абзаца.

Причина смерти официально не называлась.

Имя Марины не публиковали.

Фотографии не было.

Я прочитал материал дважды.

Потом третий раз.

Между вторым и третьим чтением ничего не изменилось.

Полиция просила откликнуться людей.

Пара.

Пожилый мужчина с собакой.

Девушки у детской площадки.

Камеры на входах.

Водитель автобуса.

Женщина из соседней квартиры.

Каждый видел отдельную часть.

Страница обновилась.

Под публикацией появились первые комментарии.

«Там постоянно что-то снимают, может, камера попала».

«Я утром проходила, видела штатив недалеко от поля».

Я перестал дышать.

Комментарий был оставлен семь минут назад.

Имя пользователя ничего не говорило.

Фотографии профиля не было.

Ответов пока тоже.

Я закрыл страницу.

Сразу открыл снова.

Комментарий оставался на месте.

Кто-то поставил ему отметку.

Телефон завибрировал у меня в руке.

Я едва не уронил его.

Это было письмо канала.

Тема:

«Дело в нашем городе — возьмите в работу».

Внутри находилась ссылка на ту же новость.

Отправитель написал:

«Вы всегда говорите, что важно не ждать готовой легенды. Здесь пока почти ничего не известно. Может быть, стоит следить с самого начала».

Я удалил письмо.

Не в корзину.

Полностью.

Движение получилось быстрым.

Почти рефлексным.

— Что удалил? — спросил Тимур.

Он стоял в дверях с двумя коробками лапши.

— Спам.

— Нам предложили ещё одну рекламу ставок?

— Нет.

— Тогда какой спам?

— Письмо без источников.

Тимур поставил коробки на стол.

— Обычно ты сохраняешь даже письма от людей, которые видят преступников в прогнозе погоды.

— Иногда нужно чистить почту.

Он посмотрел на меня.

— Ты точно нормально себя чувствуешь?

— Да.

— Ты бледный.

— Свет.

Тимур поднял голову к лампе.

— Она выключена.

Я посмотрел вверх.

Над столом действительно горел только небольшой рабочий светильник.

— Тогда монитор.

— Хочешь лапшу?

— Нет.
— Это медицинский вопрос. Ты второй день отказываешься от еды.
— Я ел дома.
Ещё одна ненужная ложь.
Тимур сел рядом и открыл одну коробку.
— Лера сказала, у нас новая тема.
— Чуплинский.
— Бывший милиционер.
— Да.
— И ложный ритуал.
— Мы ещё не знаем, был ли он ложным.
— Тогда почему название «Ложный рисунок»?
— Рисунок — не ритуал.
— Я запутался.
— Это хороший знак.
— Для кого?
— Для структуры. Значит, нужно объяснить точнее.
Тимур попробовал лапшу.
— Она острая.
— Ты заказал с перцем.
— Я думал, значок означает помидор.
— Почему помидор нарисован с огнём?
— Современные сорта.
Он придвинул вторую коробку ко мне.
— Эта без помидора.
Я открыл крышку.
Запах еды вызвал тошноту.
Я снова закрыл.
— Потом.
Тимур ел молча.
На экране оставался текст о Чуплинском.
— Почему люди оставляют ложные детали? — спросил он.
— Иногда чтобы направить расследование в другую сторону.
— А иногда?
— Чтобы придать действиям смысл, которого у них не было.
— Зачем?
— Людям трудно принять бессмысленность.
— Преступнику тоже?
Я посмотрел на него.
— Возможно.
— Тогда он оставляет объяснение для себя или для полиции?
— Это может быть одно и то же объяснение.
Тимур кивнул, хотя, вероятно, не понял.
Я понял.
Камера в парке не была оставленной деталью.
Я забрал её.
Но она успела создать объяснение.
Не для полиции.
Для свидетелей.

И для меня.

Пока камера стояла на штативе, происходящее оставалось съёмкой.

Даже когда перестало ею быть.

— Вот, — сказал Тимур.

— Что?

— Сейчас снова было.

— Что именно?

— Лицо.

— Куда оно ушло на этот раз?

— Никуда. Наоборот.

Он поставил вилку в коробку.

— Ты минуту назад выглядел так, будто сейчас скажешь что-то очень точное.

— И?

— Не сказал.

— Возможно, ничего точного не было.

— Тогда лицо обманывает.

Он вернулся к еде.

Я открыл документ.

Написал:

«Ложная версия не обязательно начинается с прямой лжи. Иногда достаточно детали, которая предлагает наблюдателю удобное объяснение. Если оно совпадает с ожиданиями, человек продолжает достраивать картину самостоятельно».

Фраза появилась легко.

Я перечитал.

В ней снова было понимание.

Не такое сильное, как во время записи о Кизе.

Но настоящее.

Я продолжил:

«В таком случае преступнику не требуется контролировать каждый вывод. Достаточно задать направление. Остальную работу выполняют люди, уверенные, что пришли к версии самостоятельно».

Тимур перестал есть.

— Вот это запиши для камеры.

Я закрыл ноутбук.

— Рано.

— Ты только что написал.

— Нужно проверить, относится ли это к делу.

— А к чему ещё может относиться?

Я посмотрел на него.

Тимур ждал ответа без подозрения.

Просто спрашивал.

— К любой интерпретации, — сказал я. — Поэтому и нужно проверить.

Он пожал плечами.

— Лера будет рада.

Она действительно обрадовалась.

После обеда прочитала два новых абзаца и оставила оба без исправлений.

— Вот теперь появляется тема, — сказала она.

— Ты была права насчёт прежнего финала.

— Я знаю.

— Можно было изобразить скромность.

— Мы теряем время.

Обычный обмен репликами.

Почти прежний.

Тимур включил большой монитор.

Монтажная программа исчезла.

В правом углу снова появился счётчик.

965 884

За несколько часов канал получил почти три тысячи подписчиков.

— Мы ускоряемся, — сказал он.

— Пока да, — ответила Лера.

— До миллиона меньше тридцати пяти тысяч.

— Я умею вычитать.

— Тогда почему не радуешься?

— Радуюсь.

— По лицу не видно.

— Я редактор. У нас другое лицо для радости.

Тимур посмотрел на меня.

— А ты?

— Что я?

— Радуюсь?

Я посмотрел на цифры.

Тридцать четыре тысячи сто шестнадцать человек.

Ещё недавно миллион казался далёкой точкой. Цифрой для будущего, в котором у нас будет больше сотрудников, отдельный офис, нормальный холодильник и человек, отвечающий за загрузку роликов в правильном разрешении.

Теперь будущее находилось на экране.

— Конечно, — сказал я.

И снова не солгал.

Радость существовала.

Рядом со страхом.

Рядом с новостью о Марине.

Рядом с письмом, которое я удалил.

Все чувства помещались одновременно и не отменяли друг друга.

Лера открыла календарь.

— Если рост сохранится, можем дойти до миллиона после следующего выпуска.

— После Чуплинского? — спросил Тимур.

— Возможно.

Он поднял обе руки.

— Значит, это исторический выпуск.

— Каждый выпуск исторический. Он остаётся в истории канала.

— Ты специально делаешь всё менее праздничным?

— Это помогает вам не испортить материал.

Тимур снова посмотрел на счётчик.

— Нужно придумать, что сделаем на миллион.

— Сначала дойти, — сказала Лера.

— Прямой эфир?

— Нет.

— Большой выпуск?

— Мы и так делаем большой выпуск.
— Торт?
— Можно.
— В форме холодильника.
— Нет.
— Тогда в форме Леры, запрещающей торт в форме холодильника.
— Тем более нет.

Они продолжали спорить.
Я смотрел на цифры.
Выпуск о Кизе привёл нас сюда.
Не тема.
Не заголовок.
Не алгоритм.
Лучший дубль.

Фрагмент, который появился только потому, что накануне я понял, как человек может видеть достаточно и всё равно ошибаться.

Это была неправильная связь.
Я знал.
Рост мог объясняться десятком других причин.
Киз был известной темой.
Ролик вышел после успешного выпуска о Шипмане.
Платформа чаще рекомендовала длинные видео.
Короткий фрагмент разошёлся по другим каналам.
Зрители подписывались не на одну фразу.
Причины существовали.
Разумные.
Проверяемые.
Но все они находились снаружи.
Только я знал, что изменилось внутри.
К вечеру счётчик дошёл до:

967 203

Я написал восемь страниц.
Первые четыре были сильными.
Следующие две — нормальными.
Последние снова пришлось удалить.
Состояние уходило.
Не резко.

Оно ослабевало, как действие лекарства, которое сначала перестаёшь чувствовать, а потом замечаешь возвращение прежней боли.

Слова снова требовали усилия.
Паузы становились пустыми.
Я смотрел на материалы и видел факты.
Даты.
Числа.
Решения суда.

Не видел человека, который оставляет детали, чтобы другие собрали из них нужную версию.

Хотя утром видел.
Я открыл последние два абзаца.

Те самые, которые понравились Лере.
Прочитал несколько раз.
Они всё ещё были хорошими.
Но я больше не чувствовал, откуда появились.
Как будто их написал другой человек и оставил мне в документе.
— Ты едешь? — спросила Лера.
Она уже надела пальто.
Тимур складывал кабели.
— Через пять минут.
— Настоящих?
— Постараюсь.
Она подошла к столу.
— Не сиди ночью.
— Не буду.
— Ты сказал это слишком быстро.
— Учусь убедительности.
— Вот именно это меня и беспокоит.
Она произнесла фразу с улыбкой.
Шутка.

Я тоже улыбнулся.
Лера посмотрела на закрытый ноутбук.

— Текст хороший.
— Первые страницы.
— Остальное появится.
— Откуда такая уверенность?
— Потому что раньше появлялось.
Она взяла папку.

— Иногда после сильного выпуска кажется, что следующий обязательно будет хуже. Это не значит, что ты разучился работать.

— Я не думаю, что разучился.
— Тогда что?

Я посмотрел на неё.
Можно было ответить честно.
Я думаю, что знаю, почему прошлый выпуск получился сильным.
Я боюсь, что причина исчезает.
Я боюсь, что хочу её вернуть.

Вместо этого сказал:
— Пока слишком много чужих пересказов. Нужно добраться до основания.
Лера кивнула.
— Завтра продолжим с судом.

Они ушли.
Я остался один.
На большом мониторе Тимур забыл выключить счётчик.

967 219

Цифра обновилась.

967 220

Потом:

967 221

Каждый новый человек приближал нас к миллиону.

Я открыл новость о парке.

Комментариев стало больше.

Сообщение о штативе поднялось наверх. Под ним спрашивали, какого цвета была камера, сколько людей находилось возле ограды и удалось ли рассмотреть лица.

Автор пока не отвечал.

Появился новый комментарий:

«Кажется, там снимал тот ведущий с криминального канала. Не помню фамилию».

Я прочитал его.

Обновил страницу.

Под комментарием возник ответ:

«Ветров?»

Ещё один:

«Он бы уже сказал, если видел что-то важное».

Я закрыл браузер.

Счётчик изменился.

967 228

Человек из комментария был прав.

Кирилл Ветров рассказал бы.

Именно поэтому никто пока не спрашивал, почему он молчит.

Я открыл сценарий.

В конце первой страницы стояла фраза:

«Убедительное объяснение отличается от доказанного не качеством звучания».

Я добавил:

«Иногда оно побеждает именно потому, что звучит лучше».

Предложение было точным.

Но уже не настолько, как могло быть вчера.

Я смотрел на него, пока счётчик продолжал расти.

В какой-то момент понял, что жду не нового подписчика.

Я жду возвращения ясности.

Она не вернулась.

Глава 8. Без камеры

До миллиона оставалось восемь тысяч четыреста двенадцать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.